

Игра Джералда

Автор:

Стивен Кинг

Игра Джералда

Стивен Кинг

В уединенном доме на берегу лесного озера в штате Мэн разыгралась трагедия. Джесси потеряла мужа и осталась одна, прикованная к кровати... Но ее одиночество было недолгим. Все страхи, которые она когда-либо испытывала в жизни, вернулись в одночасье и заполнили уединенный дом, мгновенно превратившийся в зловещую камеру пыток...

Стивен Кинг

Игра Джералда

Сэйди взяла себя в руки. Никто не взялся бы описать все негодование и презрительную ненависть, которые она вложила в свои слова:

– Мужчины, вы мерзкие грязные свиньи! Вы все одинаковы, все! Мерзкие грязные свиньи!

Сомерсет Моэм, «Дождь»

По дому гулял сквозняк. Джесси слышала, как задняя дверь то и дело хлопает на ветру. Был октябрь. Осенью косяк всегда разбухал от сырости, и дверь закрывалась нормально, только если прижать ее посильнее. Но сегодня они как-то забыли об этом. Она хотела сказать Джералду, чтобы он пошел и закрыл дверь, прежде чем они окончательно увлекутся, иначе она просто рехнется от этого стука. Но потом Джесси подумала, как смешно это будет выглядеть. Подобная просьба испортит все настроение.

Какое настроение?!

Хороший вопрос. Как только Джералд защелкнул наручники у нее на запястьях, она поняла, что никакого настроения у нее нет и не было. Кстати, именно поэтому она и обратила внимание на стук незакрытой двери – потому что ее совершенно не возбуждали игры с наручниками и привязываниями к кровати.

Чего не скажешь о Джералде. На нем были только обтягивающие трусы, и Джесси стоило лишь взглянуть на то, что творилось под ними, чтобы понять – его интерес не слабеет.

Идиотизм какой-то, – подумала она. Она действительно чувствовала себя полной дурой. Но при этом ей было немножко страшно. Ей не хотелось этого признавать, но тем не менее так оно и было.

– Джералд, может, не надо?

Он на мгновение задумался, слегка хмуря лоб, а потом прошел через комнату к туалетному столику, что стоял слева от двери в ванную. По дороге его лицо прояснилось. Джесси внимательно наблюдала за ним. Прикованная к кровати, с разведенными в стороны руками, она ощущала себя Фей Рей в ожидании Кинг-Конга. Ее запястья были намертво пришпилены наручниками к столбикам красного дерева в изголовье кровати. Каждая рука – отдельно. Свобода движений ограничивалась шестью дюймами стальной цепи. Немного.

Джералд положил ключи от наручников на туалетный столик – они тихонечко брякнули железом по дереву, и этот едва различимый звук отдался оглушительным эхом у Джесси в ушах – и повернулся к ней. Переливчатая рябь света, отраженного от поверхности озера за окном, бежала по белому потолку у него над головой.

– Что ты сказала? Ну вот... ты мне испортила всю прелесть игры.

А по мне ничего в этом прелестного нет. Изначально, – чуть не добавила Джесси, но все же сдержалась.

Он усмехнулся. У него было тяжелое одутловатое лицо, розовое, как у поросенка, и иссиня-черные волосы с таким треугольным мыском посередине лба, который, согласно народной примете, предвещал раннее вдовство. Джесси не нравилось, когда он так улыбался. Его улыбка всегда вызывала у нее какое-то странное чувство, которое она затруднялась определить. Хотя...

Определить это было совсем не сложно. Когда Джералд ухмылялся, он становился похожим на идиота. И чем шире он ухмылялся, тем глупее выглядел. Впечатление было такое, что с каждым дюймом ухмылки его интеллект падал на десять баллов. В такие моменты ее дорогой муженек – кстати сказать, преуспевающий адвокат – походил на сбежавшего пациента психушки.

Жестоко, но тем не менее... Но как сказать человеку, с которым ты прожила почти двадцать лет, что он, когда ухмыляется, похож на клинического дебила? Ответ прост: никак. Вот его улыбка – совсем другое дело. Улыбка у Джералда замечательная. Теплая, юморная. Наверное, именно из-за этой улыбки Джесси в него и влюбилась. Она напоминала ей отца. Когда они вечером собирались всей семьей и папа, потягивая вечерний джин-тоник, рассказывал забавные истории о том, что случилось с ним за день, у него на лице появлялась точно такая же улыбка.

Но сейчас Джералд не улыбался, а именно ухмылялся. Это была его «фирменная» ухмылка специально для подобных мероприятий. Ему самому она наверняка виделась таким хищным оскалом. Но Джесси – распятой на кровати, прикованной наручниками и одетой в одни крошечные трусики – она казалась на редкость глупой. Даже нет... просто дебильной. Потому Джералд отнюдь не являл собой образчик крутого мачо, которому сам черт не брат, по типу тех видных мужчин из приключенческих журналов для мальчиков, над которыми он так отчаянно извергался во дни блаженной юности – одинокий, некрасивый и толстый подросток в тяжкий период полового созревания. Джесси вовсе не обольщалась. Перед ней стоял неумолимо лысеющий пожилой адвокат, чьи тесные трусы недвусмысленно распирало спереди. Причем, справедливости ради сказать, средненько так распирало...

Впрочем, размер его возбужденного причиндала значения не имел. Имела значение его ухмылка. И судя по тому, что он продолжал ухмыляться, можно было сделать вывод, что он просто не воспринял ее слова всерьез. Ведь по правилам игры Джесси полагалось сопротивляться.

– Джералд, я серьезно. Я не хочу так.

Ухмылка расплылась, открыв еще несколько мелких и вполне безобидных зубов. Его интеллект упал еще пунктов на двадцать – тридцать. И он по-прежнему ее не слушал.

Ты уверена?

Да. Уверена. Джесси не могла читать его мысли – для того чтобы читать человека как книгу, надо прожить с ним гораздо больше, чем семнадцать лет, – но обычно она разбиралась в его настроениях и более-менее точно знала, что у него на уме.

И если все это правда, милая, как же так получилось, что он тебя не понимает? Почему он не видит, что это уже не игра? Что для тебя это – не очередная пикантная сцена в старом секс-фарсе?

Теперь пришла ее очередь хмуриться. Джесси всегда, сколько она себя помнила, слышала голоса в голове. Она ни капельки не сомневалась, что такое бывает у всех, просто не все об этом говорят – точно так же, как не говорят о походах в сортир. В общем, она слышала голоса, с которыми ей было уютно, как в любимых домашних тапках, и хорошо, как в компании близких друзей. Но сейчас у нее в голове прозвучал новый голос... далеко не такой дружелюбный. Энергичный и сильный голос, молодой и какой-то озлобленный. Раздраженный и очень категоричный. И вот теперь он прорезался снова, отвечая на собственный вопрос:

Дело не в том, что он тебя не понимает. Просто иногда он не хочет тебя понимать.

– Джералд, правда... Я сегодня не в настроении. Сними с меня эти штуки. Давай как-нибудь по-другому. Хочешь, я буду сверху или просто ложись, а я тебе кое-

что сделаю... ну, ты понимаешь.

Ты уверена, что тебе хочется это делать? – спросил этот новый категоричный голос. – Ты вообще его хочешь, этого мужчину?

Джесси закрыла глаза, как будто это могло бы заставить голос умолкнуть. Когда она снова открыла глаза, Джералд стоял в изножье кровати, его трусы выпирали спереди, словно нос корабля. Ну... скажем, игрушечного кораблика. Ухмылка стала еще шире, открыв последние зубы с обеих сторон – те, что с золотыми пломбами. Джесси поняла, что ей не просто не нравится эта ухмылка – она ее раздражает.

– Я тебе разрешу быть сверху... если ты будешь хорошей, послушной девочкой. Ты ведь будешь хорошей девочкой, Джесси?

Какая пошлость, – прокомментировал новый голос, который Джесси про себя окрестила «сказал, как отрезал». – Тошнотворная пошлость.

Джералд засунул большие пальцы за резинку трусов и теперь стал похож на какого-то нелепого ковбоя. Потом он потянул их вниз, и трусы – преодолев несущественное препятствие в виде прибора в «боевой готовности» – быстро соскользнули на пол. Его хозяйство предстало во всей своей красе. Это был вовсе не грандиозный поршень любви, с которым Джесси впервые встретилась еще подростком на страницах клиландовской «Фанни Хилл»[1 - «Фанни Хилл» – роман Дж. Клиланда, написанный в 1749 году, о женщине из публичного дома. – Здесь и далее примеч. пер.], а какой-то розовый мягкий пенек. Одним словом, пять дюймов ничем не примечательной эрекции. Два или три года назад, во время одной из нечастых поездок в Бостон, Джесси сходила на фильм под названием «Брюхо архитектора». Ага, подумала она, а теперь я смотрю «Член юриста». Она закусил губу, чтобы не рассмеяться, потому что это было бы бестактно.

А потом ей в голову пришла одна мысль, от которой сразу же расхотелось смеяться: Джералд не понимал, что она говорит серьезно, потому что для него сейчас попросту не существовало никакой Джесси Махо Берлингейм, сестры Мэдди и Вилла, дочери Тома и Салли и бездетной жены Джералда. Она исчезла в тот самый момент, когда он защелкнул наручники у нее на запястьях. Подростковые приключенческие журналы времен блаженной юности Джералда

сменились порнографическими изданиями, которые он хранил у себя в столе в самом нижнем ящике. В этих журналах грудастые девочки, одетые только в дешевенькие жемчуга, стояли на четвереньках на лохматых медвежьих шкурах, пока мужчины наяривали их сзади такими внушительными приборами, по сравнению с которыми принадлежность Джералда смотрелась вообще никакой. На последних страницах этих веселых журналов, среди объявлений секса по телефону, встречалась реклама анатомически правильных надувных женщин. На скромный взгляд Джесси, это был странный и даже дикий подход. И вот теперь она подумала об этих надувных куклах, об их бесформенных надувных телах и невыразительных безразличных лицах с каким-то гадливым отвращением. Ей даже стало слегка жутковато. Не то чтобы страшно, нет – но внутри она вся напряглась, и именно это непонятное напряжение было гораздо страшнее, чем их дурацкая игра с наручниками в летнем домике на берегу озера. И почему они вообще приехали в летний домик, когда лето давно прошло?!

Но даже сквозь эти не слишком приятные мысли к ней пробивались все звуки. Казалось, ее слух обострился донельзя. Издалека доносился рев бензопилы, чуть ближе – на озере Кашвакамак – кричала гагара, припозднившаяся с отлетом. Ее пронзительный бешеный крик поднимался до самого неба. А совсем рядом, на северном берегу озера, лаяла собака. Этот противный хрипящий лай почему-то казался Джесси приятным. Наверное, потому, что он означал: даже в будний октябрьский день здесь есть еще кто-то живой. Иначе она слышала бы только стук двери – расхлябанной, как большой зуб в гниющей десне, – беспрестанно хлопающей по разбухшему косяку. Джесси уже понимала: еще немного, и она просто рехнется от этого стука.

А тем временем Джералд, оставшийся в одних очках, взгромоздился на кровать и теперь подбирался к Джесси на четвереньках. Его глаза возбужденно блестели.

Джесси подумала, что именно из-за этого блеска она продолжает играть с ним в эти дурацкие игры, хотя ее интерес к ним давно угас. В последнее время – в последние годы – Джералд все реже и реже смотрел на нее с таким вот горячечным блеском в глазах. Для своих лет Джесси выглядела очень даже неплохо – она не растолстела и ее фигура осталась почти прежней, – но Джералд давно уже перестал на нее возбуждаться. Джесси считала, что его безразличие частично вызвано тем, что он стал много пить – теперь он пил значительно больше прежнего, – но это была только часть проблемы. Как там в старой пословице? Чем больше знаешь, тем меньше ценишь. Наверное, так оно и

есть. Хотя поэты-романтики, которых Джесси изучала на семинаре английской литературы, опровергали эту житейскую мудрость и провозглашали, что истинная любовь не умирает. Но с годами Джесси поняла, что суровая правда семейной жизни не нашла отражения в творчестве Джона Китса и Перси Шелли. Впрочем, откуда им было знать эту суровую правду – они оба умерли молодыми.

Тем более что все это было не важно. Сейчас имело значение только то, почему она продолжала играть в эти игры, хотя они ее вовсе не привлекали – исключительно потому, что ей нравился этот возбужденный блеск в глазах Джералда. Когда он вот так на нее смотрел, она себя чувствовала молодой, красивой и желанной. Но...

...но если ты думаешь, что он возбуждается на тебя, то ты ошибаешься, милая. Или просто сама себя обманываешь. Да он вообще тебя не видит. То есть видит, конечно. Но не тебя. Может быть, пришло время решить – решить раз и навсегда, – согласна ли ты и дальше мириться с таким унижением? Потому что подобный подход – это действительно унижительно, разве нет?

Она вздохнула. Да, унижительно.

– Джералд, мне это не нравится, – проговорила она с нажимом, и блеск в его глазах слегка померк. Уже кое-что. Все-таки он ее слышит. Так что, наверное, все в порядке. Не замечательно, как было раньше, но хотя бы в порядке. Однако мгновение спустя его глаза вновь загорелись, и он опять усмехнулся своей идиотской ухмылкой.

– Я тебя проучу, моя гордячка. Моя красавица, – сказал Джералд. Он действительно так сказал, причем слово «красавица» он произнес с интонацией какого-нибудь напыщенного лорда из плохонькой мелодрамы о викторианской эпохе.

Пусть он сделает то, что хочет. Чем быстрее он начнет, тем быстрее все кончится.

Этот голос был хорошо знаком Джесси, и она собиралась последовать его совету. Вряд ли бы Глория Стейнем[2 - Глория Стейнем, американская журналистка, одна из лидеров так называемого движения за освобождение женщин 60-х годов. Основательница феминистического журнала «Миз».]

одобрила такой подход, но Джесси было плевать. Совет был хорош уже тем, что он был практичен. Пусть он сделает то, что хочет, и чем быстрее он начнет, тем быстрее все кончится. Что и требовалось доказать.

Джералд протянул руку – мягкую, с короткими пальцами, такую же розовую и вялую, как его член – и стиснул ей грудь. В этот миг что-то внутри у нее оборвалось. Как рвутся перенапряженные сухожилия. Она резко дернулась и сбросила его руку.

– Хватит, Джералд, уймись. Сними с меня эти тупые наручники и дай мне встать. Может, полгода назад это еще и было забавно, но сейчас меня это не возбуждает. Я себя чувствую просто по-идиотски.

На этот раз он услышал ее. Она поняла это по тому, как потускнели его глаза. Огонек в них погас, как свеча на ветру. Джесси решила, что знает, какие слова наконец-то пробились к нему: «тупые» и «по-идиотски». В детстве Джералд был толстым увальнем в очках, и первый раз он пошел на свидание аж в восемнадцать лет – через год после того, как он посадил себя на строгую диету и начал заниматься спортом, стараясь укрепить дряблое тело. Тогда он учился на втором курсе и, как сам говорил, держал свою жизнь более или менее в узде. (Как будто жизнь – это дикий мустанг, которого нужно объездить и приручить.) Но Джесси знала, что когда Джералд учился в школе, его жизнь была одним сплошным кошмаром. Тогда-то в нем и развились комплекс неполноценности и недоверие к окружающим, которые он не изжил до конца даже потом, когда все стало нормально.

Он с отличием окончил колледж, юридический факультет, сделал весьма неплохую карьеру, женился на Джесси. Все это вместе (причем Джесси подозревала, что именно женитьба сыграла здесь главную роль) помогло Джералду вновь обрести уверенность в себе и какое-то самоуважение. Но на каком-то глубинном уровне в нем все-таки сохранились воспоминания о тех тумачах и затрещинах, которыми награждали его одноклассники, о том, как они дружно ржали над его тщетными попытками подтянуться на перекладине на физкультуре... и были такие слова – «идиот» и «тупой», например, – которые даже по прошествии стольких лет возвращали его в тот кошмар... по крайней мере так думала Джесси. Ей часто казалось, что все эти новомодные психологи совершенно не разбираются во многих действительно важных вещах – причем намеренно не разбираются, – но что касается живучести некоторых воспоминаний... в этом они абсолютно правы. Есть вещи, которые намертво

врезаются в память; они присасываются к человеку, как злобные пиявки, которых не отодрать никакими силами. До поры они себя не проявляют, но определенные знаковые слова – «идиот» и «тупой», например – мгновенно их пробуждают, и вот тогда они начинают терзать человека по новой.

Это был удар ниже пояса. Джесси боялась, что ей станет стыдно, но с облегчением поняла, что не испытывает ни малейших угрызений совести. И ее это даже порадовало. Наверное, я просто устала притворяться, подумала она, и это натолкнуло ее на мысль, что у нее тоже должны быть свои сексуальные пристрастия. И что забавы с наручниками уж точно к ним не относятся. Подобные игры казались ей унижительными. В самом начале эксперименты Джералда – те, что с шарфами – действительно пробуждали в ней какое-то стыдливое возбуждение, и несколько раз было так, что она испытывала многократные оргазмы, хотя в последние годы и самый обычный оргазм был для нее приятной неожиданностью. Но как бы там ни было, все эти забавы сопровождалась для Джесси массой негативных эмоций, и чувство, что тебя унижают, было только одним из них. С самого начала, после первых придумок Джералда, ей каждый раз снились кошмары. Она просыпалась в холодном поту, закрывая промежность руками, сжатыми в кулаки. Джесси помнила только один из этих кошмарных снов, да и то приблизительно и размыто: она играет в крокет, совершенно голая, и солнце внезапно гаснет.

Погоди, Джесси, все это ты можешь обдумать и завтра. А сейчас тебе нужно заставить его снять с тебя эти наручники.

Да. Потому что это уже была не игра – не их игра. Теперь это была игра Джералда. И забавляла она его одного. Джесси подыгрывала ему раньше только потому, что он так хотел. Но теперь ей надоело. Ей было противно и неприятно.

Крик одинокой гагары снова взвился над озером. Идиотская ухмылка на лице Джералда сменилась выражением мрачного разочарования. Ты мне испортила все удовольствие, сука, читалось у него на лице.

Джесси вспомнился случай, когда она видела его таким в последний раз. Как-то в августе Джералд принес глянцевую брошюру и показал ей, какую машину он собирался купить. Она сказала, что он может купить «порше», если ему очень хочется – в конце концов они могут позволить себе «порше», – но лучше бы он приобрел абонемент в спортивный клуб на Форест-авеню, тем более что он грозился купить этот несчастный абонемент вот уже два года.

– Просто сейчас твои телеса совершенно не будут смотреться на фоне «порше», – сказала Джесси, понимая, что это бестактно, но ей уже было не до тактичности. Джералд довел ее до того, что ей было уже плевать на его чувства. В последнее время такое случалось все чаще и чаще. Это пугало и огорчало Джесси, но она совершенно не представляла, как с этим бороться.

– Ты на что намекаешь? – сразу напрягся Джералд.

Сначала она промолчала. Она давно уже поняла, что когда Джералд задает вопросы вот таким ледяным тоном, он и не ждет, что ему ответят. Это был скорее упрек, чем вопрос: Ты не подыгрываешь мне, Джесси. Ты меня обижаешь.

Но она была слишком раздражена – и только теперь до нее дошло, что, может быть, то раздражение было предвестием ее теперешнего состояния – и вместо того, чтобы просто проигнорировать его вопрос, как она делала почти всегда, решила ответить:

– Я намекаю на то, Джералд, что независимо от того, есть у тебя «порше» или нет, этой зимой тебе все равно исполнится сорок шесть... и ты все равно будешь весить на тридцать фунтов выше нормы.

Да, жестоко. Но в тот раз она не хотела сдерживаться и щадить его чувства. Потому что когда она посмотрела на фотографию изящной спортивной машины, что украшала обложку глянцевой рекламной брошюры, у нее в голове сразу возникла такая картина: маленький толстенький розовощекий мальчик с треугольным мыском волос надо лбом пошел купаться на пруд и застрял в надувном круге.

Джералд выхватил у нее рекламный проспект и ушел, не сказав ни слова. Вопрос о покупке «порше» больше не обсуждался... но после этого случая Джесси часто ловила на себе его обиженный взгляд из разряда «я так не играю».

Вот и теперь его взгляд был таким же.

Только обида была сильнее.

– Но ты же сама говорила, что это заманчиво. Я помню, ты именно так и сказала: «Звучит заманчиво».

Она действительно так сказала? Да, наверное, сказала. Но это была ошибка. Каждый может так ошибиться. Нельзя же винить человека за то, что он поскользнулся на банановой кожуре. Да. Но как объяснишь это мужу, который уже оттопырил нижнюю губу, словно Малыш Хью[3 - Должно быть, имеется в виду герой фильмов Clown on the Farm (1952), Git Along Li'l Duckie (1955), Huey's Ducky Daddy (1953), Huey's Father's Day (1959), Jumping with Toy (1957), One Quack Mind (1951), Party Smarty (1951), Pest Pupil (1957), Scout Fellow (1951), Starting From Hatch (1953), Swab the Duck (1956) в исполнении Сида Реймонда.], готовый закатить истерику?!

Она не знала и поэтому опустила глаза... и то, что она увидела, очень ей не понравилось. Мистер Счастье в исполнении Джералда не поутратил свой боевой настрой. Он, очевидно, не понял, что планы несколько изменились.

– Джералд, я не хочу...

– Ты не хочешь? И как это понимать? Я беру отгул на работе, чтобы приехать сюда и побыть вдвоем... я даже думал, что мы, может быть, останемся на ночь и хорошо позабавимся... – Он замолчал на секунду и уныло добавил: – Ты же сама говорила, что это заманчиво.

Джесси начала лихорадочно соображать, выбирая возможные отговорки из стандартного набора. (Да, но у меня жутко болит голова; да, но у меня эти ужасные предменструальные боли; да, но я все-таки женщина и имею право капризничать; да, но теперь, когда мы с тобой совершенно одни и поблизости нет ни единой живой души, мне почему-то страшно. Ты пугаешь меня. Да, именно ты. Потому что сейчас в тебе есть что-то от зверя.) Лживые отговорки, которые питали его заблуждения о своей драгоценной персоне и ублажали его самолюбие. Беспроектный вариант. И Джесси почти уже выбрала, с какой карты зайти, как вдруг этот новый решительный голос, звучавший до этого лишь у нее в голове, прорвался наружу. Джесси была приятно удивлена, когда обнаружила, что и вслух он звучит так же сухо, решительно и спокойно.

И еще было в нем что-то неуловимо знакомое.

– Да, наверное, я так сказала. Но я имела в виду, что будет заманчиво вырваться с тобой сюда, на природу, вдвоем – как в старые добрые времена, когда у тебя еще не было таблички с именем на двери собственного кабинета. Я думала, мы немного покувыркаемся в кровати, а потом погуляем или просто посидим на веранде. А вечером, может быть, поиграем в скрабл. А то, что ты сделал... это обидно, в конце концов. Как ты думаешь, Джералд? Скажи мне, потому что я действительно хочу знать.

– Но ты говорила...

Уже в течение пяти минут она пыталась ему втолковать, что хочет освободиться от этих дурацких наручников, но он упорно отказывался ее слушать. Ее раздражение переросло в ярость.

– Господи, Джералд, меня это давно уже не забавляет, и если б ты не был таким упертым, то давно бы это понял!

– Ты у меня остра на язычок. Иногда это приятно, щекочет нервы. Но иногда меня так раздражают твои...

– Джералд, когда ты вот так упираешься как баран, по-хорошему до тебя вообще ничего не доходит. Кто же тут виноват?

– Когда ты такая, Джесси, ты мне не нравишься. Очень не нравишься.

М-да, если вначале все было плохо, то теперь стало просто отвратно. И что самое неприятное – это был еще не предел. На Джесси вдруг навалилась страшная усталость, и ей на ум почему-то пришла строчка из старой песни Пола Саймона: «Не хочу я участвовать в этой безумной любви». Все правильно, Пол. Хоть и не вышел ты ростом, но тупым тебя не назовешь.

– Знаю, что не нравлюсь. И хорошо, что не нравлюсь, потому что сейчас дело в этих дурацких наручниках, а не в том, нравлюсь я тебе или нет, когда говорю, что передумала. Я хочу, чтобы ты снял наручники. Слышишь меня?

Нет, не слышит, поняла Джесси. И ей стало страшно.

– Черт, какая же ты вся из себя противоречивая и язвительная. Я люблю тебя, Джесс, но, знаешь, я ненавижу, когда ты дерзишь. Меня всегда это бесило.

Он утер рот рукой и грустно посмотрел на нее – бедный обманутый Джералд, огорченный коварной женщиной, которая затащила его в эти девственные леса, а потом отказалась исполнить свои супружеские обязанности. Бедный обиженный Джералд, который – судя по всему – вовсе не собирался идти за ключами от наручников.

Джесси и сама не заметила, когда именно ее тревога переросла в нечто совсем иное. Она превратилась в гремучую смесь страха и ярости. Сколько она себя помнила, что-то похожее с ней случилось всего однажды. Джесси тогда было лет двенадцать. Дело было у Вилла на дне рождения. Ее братец Вилл то ли толкнул ее, то ли как-то обозвал при всех. Все рассмеялись. Ха-ха-ха, оборжешься. Только Джесси было совсем не весело.

Вилл хохотал громче всех. Буквально давился смехом, согнувшись пополам и хлопая себя ладонями по коленкам. Его длинные лохмы упали ему на лицо. (В то время был самый пик популярности Beatles, Rolling Stones и Searchers, и поэтому у всех мальчишек были длинные волосы.) В общем, волосы упали ему на лицо, и поэтому он не видел, как разъярилась сестра... обычно он опасался злить Джесси, зная ее взрывной нрав. Пока брат корчился от смеха, злость переполнила Джесси настолько, что она поняла: если она ничего не сделает, то просто взорвется от ярости. Она сжала руку в маленький кулачок и со всей силы ударила любимого братца в лицо, когда тот наконец отсмеялся и поднял голову, чтобы взглянуть на нее. Удар сбил Вилла с ног, словно кеглю, и он громко заплакал.

Уже потом Джесси пыталась себя убедить, что Вилл плакал больше от удивления, чем от боли. Но даже в свои двенадцать она понимала, что это не так. Ему было больно, очень больно. Она разбила ему все губы. Его нижняя губа в одном месте треснула от удара, а верхняя – в двух местах. Брату досталось неслабо. И за что, спрашивается? Только за то, что он сделал глупость? Но ведь ему в тот день исполнялось всего девять лет, а в таком возрасте все дети глупые. Нет, дело было не в этом. Просто она испугалась – испугалась, что если ничего не сделает с этой гремучей пенистой смесью из ярости и смущения, то

(солнце погаснет)

она просто взорвется. В тот день Джесси поняла, что внутри нее – колодец, но вода в нем отравлена. И когда Уильям посмеялся над ней, он опустил туда ведро, которое вернулось полное склизкой пены и всякой отвратной болотной живности. Она ненавидела брата за это. Наверное, она потому его и ударила. Он заставил ее заглянуть в себя. И то, что она там увидела, напугало ее самое. И вот теперь, столько лет спустя, эта темная глубина пугала ее по-прежнему... пугала и приводила в ярость.

Нет, солнце из-за тебя не погаснет, – подумала Джесси без понятия, что это значит. – Будь ты проклята, если погаснет.

– Я не хочу с тобой спорить, Джералд. Просто возьми ключи и сними с меня эти долбаные наручники!

И тут он сказал такое, что до нее даже не сразу дошел смысл сказанного – настолько это звучало дико.

– А если нет?

Сначала Джесси отметила лишь перемену в тоне Джералда. Обычно голос у мужа был добродушный, сердечный, с легкой такой хрипотцой – голос типа: Всем нам крупно повезло, что я здесь главный, не так ли? – но теперь это был низкий и вкрадчивый голос. Совершенно чужой. В глазах Джералда вновь вспыхнул тот лихорадочный блеск, который когда-то давно возбуждал ее с пол-оборота. Джесси различала его с трудом – он прятался в узких щелочках глаз за очками в золотой оправе, – но знала, что он там был. Действительно был.

Потом она обратила внимание на мистера Счастье, который, как ни странно, не только не поутратил боевой задор, а даже наоборот – приосанился, образно выражаясь, расправил плечи и стал очень даже внушительным... или ей это только казалось?

Ты и вправду так думаешь, милая? Я лично – нет.

Джесси переварила всю эту информацию и только потом осознала смысл слов Джералда. А что если нет? И когда смысл сказанного дошел до нее целиком и полностью, ее страх и ярость достигли предела. Где-то глубоко внутри это гипотетическое ведро вновь сорвалось ко дну колодца, чтобы зачерпнуть вязкой

и тухлой жижи, в которой кишели микробы – ядовитые, как болотные гадюки.

Опять хлопнула задняя дверь, и где-то рядом, в лесу, снова залаяла собака – надрывно, отчаянно. Джесси подумала, что еще немного – и у нее начнется мигрень.

– Послушай, Джералд. – Голос Джесси звучал властно и сильно. Это был тот самый новый голос, с которым она познакомилась только сегодня. Она вполне понимала, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы проявлять характер – в конце концов она сейчас находилась в полной власти Джералда, на безлюдном северном берегу озера Кашвакамак, прикованная наручниками к кровати, в одних узеньких трусиках, – но ей нравился этот голос. Почти против воли, но нравился. – Ты меня слушаешь или нет? Я знаю, что обычно ты пропускаешь мои слова мимо ушей, но сейчас мне действительно важно, чтобы ты меня выслушал. Так ты слушаешь?

Он стоял на коленях и смотрел на нее как на какого-нибудь жука доселе неизвестного науке вида. Его щеки, украшенные ярко-красной сеточкой кровеносных сосудов (про себя Джесси их называла отметинами старого выпивохи), стали просто пунцовыми. Краска разлилась даже по лбу – четкой темной полосой, которая походила на родимое пятно.

– Да, – сказал он все тем же чужим вкрадчивым голосом. – Я тебя слушаю, Джесси. Очень внимательно слушаю.

– Хорошо. Тогда возьми ключи и освободи мне руки. Сначала эту, – она постучала правой рукой о спинку кровати, – а потом эту, – она постучала о спинку кровати левой рукой. – И если ты это сделаешь прямо сейчас, то я тебе гарантирую нормальный, безболезненный, обоюдно приятный секс. Потом мы поспим, а наутро вернемся в Портленд, к нашей нормальной и безболезненной жизни.

И совершенно бессмысленной, – подумала Джесси. – Ты пропустила два слова. В Портленд, к нашей нормальной, безболезненной и совершенно бессмысленной жизни. Может быть, так оно и было. А может быть, Джесси излишне драматизировала ситуацию (она обнаружила, что когда ты лежишь прикованная к кровати наручниками, у тебя волей-неволей появится склонность к излишней драматизации). Но так или иначе, она этого не добавила. И может, оно и к лучшему. Получалось, что новый решительный голос был не таким уж и дерзким,

как ей показалось сначала. Но буквально в следующую секунду этот голос – который был все-таки ее голосом – зазвучал с удвоенной яростью.

– И если ты не прекратишь издеваться и дразнить меня – сейчас же, – то я прямо отсюда поеду к сестре, узнаю телефон адвоката, который вел ее бракоразводный процесс, и позвоню ему. Я не шучу. Эти твои игры противны.

И тут случилось нечто совсем уже невероятное. Джесси даже представить себе не могла, что такое вообще возможно. Джералд опять ухмыльнулся. Ухмылка выплыла у него на лице, словно подводная лодка, которая наконец-то всплыла в дружественных водах после долгого и опасного плавания. Хотя это было еще не самое невероятное. Самое невероятное, что теперь эта ухмылка безобидного дебила превратилась в оскал буйнопомешанного.

Он опять протянул руку, провел Джесси ладонью по левой груди, а потом неожиданно больно ее сдавил. В довершение ко всем радостям он ущипнул ее за сосок. Раньше он себе такого не позволял. Никогда.

– Ой, Джералд! Больно же!

Джералд серьезно кивнул. Можно даже сказать, сочувственно – что совсем не вязалось с его жуткой ухмылкой.

– Хорошо, Джесси. Я имею в виду все в целом. У тебя хорошо получается. Из тебя получилась бы замечательная актриса или девушка по вызову. Ты была бы одной из самых дорогих. – Он заколебался, а потом добавил: – Вообще-то это был комплимент.

– Господи, что ты несешь?!

Но Джесси прекрасно понимала, что происходит. Теперь ей стало страшно уже не на шутку. В комнате поселилось какое-то зло – и оно разрасталось, как бездонная черная дыра. Хотя «зло», наверное, сильно сказано. Просто что-то нехорошее, темное.

Но Джесси была все еще вне себя от ярости – как в тот день, когда она ударила Вилла.

Джералд рассмеялся.

– Что я несу? Я чуть было тебе не поверил. Вот я о чем. – Он положил руку на ее правое бедро и произнес будничным, неуместно деловитым тоном: – Так ты их сама разведешь или мне сделать это за тебя? Это тоже часть игры?

– Дай мне встать!

– Да... но попозже. – Джералд вытянул другую руку и ущипнул Джесси за правую грудь, причем так сильно, что боль пронзила весь бок. – А теперь разведи свои прекрасные ножки, моя гордячка, моя красавица!

Джесси внимательно посмотрела на мужа и поняла одну страшную вещь: он знал. Знал, что она не шутит. Он все знал, но предпочел не знать, что он знает. Разве это нормально?

Нет, не нормально, – заявил новый голос, который «сказал, как отрезал». – Но тут, опять же, смотря для кого. Если ты крутой малый из крупнейшей адвокатской конторы на всем восточном побережье от Бостона до Монреаля, то вполне можешь себе позволить знать только то, что тебе хочется знать, и не знать того, чего знать не хочется. Сдается мне, милая, у тебя очень крупные неприятности. По-настоящему крупные неприятности – из тех, что обычно кончаются разводом. Так что мой тебе совет: стисни зубы и зажмурь глаза. Думаю, тебе предстоит небольшая инъекция.

Эта ухмылка. Эта уродливая отвратительная ухмылка.

Притворяется, что ни о чем не догадывается. Причем так хорошо притворяется, что потом запросто сможет пройти проверку на детекторе лжи. Я думал, что это тоже часть игры, обиженно скажет он и даже глазом не моргнет. Я правда так думал. А если Джесси будет давить на него, будет злиться, то Джералд прибегнет к старейшему способу защиты, которым пользуются все мужчины... и скользнет в него, словно ящерица – в трещину в камне. Тебе же понравилось. Ты же знаешь, что тебе понравилось. Почему ты не хочешь это признать?

Притворяется, что ни о чем не догадывается. Ведь знает же, но все равно продолжает. Он приковал ее наручниками к кровати – и она, кстати, не возражала – и теперь собирается... черт, будем называть вещи своими именами.

Он собирается ее изнасиловать. По-настоящему изнасиловать. Под стук незакрытой двери, лай собаки, визг бензопилы и пронзительные вопли гагары на озере. Вот такие дела. Эх, ребята, хе-хе... ни хрена вы не знаете об этом деле, пока не вздрючите девочку, которая будет вертеться под вами, как курочка на сковородке. А если Джесси потом и вправду поедет к Мэдди за телефоном того адвоката, Джералд будет с жаром доказывать, что ничего такого у него и в мыслях не было.

Джералд положил свои пухлые розовые руки ей на бедра и раздвинул ей ноги. Джесси почти не сопротивлялась. Она была слишком напугана и ошарашена тем, что сейчас происходит, чтобы сопротивляться.

Правильное решение, – прозвучал у нее в голове знакомый голос – не тот новый, а старый, давнишний. – Просто лежи себе тихо-спокойно, и пусть он там копошится. В конце концов ничего в этом такого нет. Он это делал уже, наверное, тысячу раз – и ничего с тобой не случилось. Если ты вдруг забыла: ты уже давно не стыдливая девственница.

А если она не послушает этот голос? Что тогда?

Как будто в ответ на невысказанный вопрос перед мысленным взором возникла кошмарная картина. Джесси увидела себя и Джералда в суде, на бракоразводном процессе. Она не знала, как происходит развод в штате Мэн – через суд или нет, – но это никоим образом не повлияло на ее видение. Картина была очень четкой и ясной. Она даже видела, во что она одета – в розовый деловой костюм от Донны Каран. Под ним была шелковая персиковая блузка. Она сидела на скамье очень прямо, на сведенных вместе коленях лежала белая сумочка. Джесси говорила судье, похожему на покойного Гарри Ризонера[4 - Гарри Ризонер (1923–1991), американский журналист, комментатор и ведущий новостей на телеканале CBS.], что да, она поехала с Джералдом в летний домик по собственной воле и позволила ему приковать себя к кровати наручниками тоже по собственной воле... и да, они с мужем так забавлялись и раньше, правда, не на озере.

Да, ваша честь. Да.

Да, да, да.

Джералд раздвигал ей ноги, а Джесси продолжала рассказывать судье, похожему на Гарри Ризонера, что они начинали свои забавы с шелковых шарфов, что она была не против перейти на веревки, а потом и на наручники, хотя все это надоело ей очень быстро. Ей было противно. Настолько противно, что она поехала с Джералдом на озеро Кашвакамак, в безлюдное место за восемьдесят три мили от Портленда, в будний день в октябре, и там вновь позволила ему посадить себя на цепь, как собаку; ей все это настолько наскучило, что на ней были только узенькие тонкие трусики – совершенно прозрачные, так что сквозь них можно было читать газету, набранную мелким шрифтом. И судья, конечно же, ей поверит и искренне посочувствует. Ну конечно, поверит. Любой бы поверил. Джесси представила, как она сидит на месте свидетеля и говорит:

– Итак, я лежала прикованная наручниками к кровати, в одних только трусиках из «Виктории Сикрет», и улыбалась любимому мужу. Но в последний момент я передумала и сказала об этом Джералду. Но он все равно мне засунул, и поэтому я считаю, что это было изнасилование.

Да, сэ, именно так все и было. Даю голову на отсечение.

Джералд рывком спустил с нее трусики, и это вернуло Джесси к реальности. Он стоял на коленях между ее раздвинутыми ногами, и у него было такое сосредоточенное лицо, словно он собирался сдавать выпускной экзамен, а не заняться любовью с женой. По подбородку сползала белая капля слюны, сорвавшаяся с пухлой нижней губы.

Пусть он сделает то, что хочет, Джесси. Пусть он заправит и кончит. Ты же знаешь, что полные яйца сводят его с ума. Они все, мужики, просто бесятся от полноты яиц, если так можно сказать. Сейчас он их опустошит, и тогда с ним опять можно будет нормально разговаривать. Так что не распаляйся по пустякам – просто лежи и жди, когда он избавится от своего спермотоксикоза.

Хороший совет, и она бы, наверное, последовала ему, если бы не новый голос, поселившийся у нее в голове. Этот бесцеремонный новосел, очевидно, считал, что прежний советчик Джесси – голос, который с годами она стала называть про себя «примерной женошкой Берлингейм», – еще тот зануда. Может быть, Джесси все же последовала бы совету «доброй женошки», если бы не два обстоятельства. Во-первых, до нее вдруг дошло, что хотя ее руки прикованы к кровати, ноги у нее свободны. А во-вторых, с подбородка Джералда капнула слюна. Мгновение капля висела, покачиваясь, набухая, и сорвалась прямо ей на

живот, чуть выше пупка. В этом было что-то знакомое, и на Джесси вдруг нахлынуло невероятно сильное ощущение дежа-вю. В комнате стало темнее, как будто окна и стеклянная крыша сменились панелями из закопченных стеклышек.

Это его сперма, – подумала Джесси, хотя прекрасно знала, что это слюна. – Его проклятая сперма.

Причиной такой реакции был не столько Джералд, сколько это странное ненавистное чувство, которое поднималось, как штормовая волна, из глубин ее сознания. Она не думала, что она делает, – она действовала инстинктивно, как стал бы действовать человек, с ужасом осознавший, что трепыхающееся существо, которое запуталось у него волосах, это не что иное, как летучая мышь.

Джесси резко поджала ноги, чуть не задев правым коленом подбородок Джералда, и с силой выбросила их вперед. Правая пятка угодила ему прямо в солнечное сплетение, а левая – в плотное основание пениса и набухшие яйца, что висели под ним, словно бледный перезревший плод.

Джералд откинулся назад, плюхнувшись задом на свои полные безволосые икры. Он запрокинул голову и издал высокий сдавленный крик. Словно в ответ, на озере вновь закричала гагара. Для Джесси это прозвучало так, как будто один самец соболезнует другому.

Глаза Джералда больше не щурились и не блестели. Голубые, как сегодняшнее ясное небо (когда Джералд позвонил ей и сказал, что взял на работе отгул и приглашает ее съездить на озеро на целый день и, может, даже с ночевкой, она согласилась именно потому, что ей очень хотелось увидеть это высокое небо над пустым по-осеннему озером), они широко распахнулись, и в них читалась такая боль, что было страшно на это смотреть. На шее у него вздулись вены. Джесси подумала: Я не видела его таким с того самого лета, когда целыми днями шел дождь, и Джералду осточертело садовничать, и он нашел себе новое хобби – дегустацию виски и прочих коньячных спиртов.

Его крик постепенно стихал, словно кто-то медленно убавлял звук на пульте дистанционного управления Джералдом. Но, разумеется, все было проще: он слишком долго кричал, что-то около тридцати секунд, и ему уже не хватало дыхания. Ему, наверное, очень больно, – подумала Джесси. Красные пятна у него

на лбу и щеках стали просто багровыми.

Что ты наделала?! – воскликнула в страхе примерная женушка. – Что ты наделала?!

Ага. Хороший удар, черт побери, – задумчиво произнес новый голос.

Ты врезала по яйцам собственному мужу! – верещала примерная женушка. – Господи, как ты могла?! Как ты могла?!

Джесси знала ответ на этот вопрос или думала, что знает. Она сделала это потому, что муж собирался ее изнасиловать, а потом списать все на то, что произошло небольшое недоразумение между двумя любящими супругами, которые собрались предаться вполне безобидным забавам. Это была игра, – скажет он, пожав плечами. – Просто игра, и я тут ни при чем. Если хочешь, мы больше не будем в нее играть. Конечно, не будем. Джералд далеко не дурак и сразу сообразит, что отныне и впредь она ни за что уже не согласится снова надеть наручники. Это как раз тот случай, когда последний раз окупает все. Джералд прекрасно это понимал и собирался получить все сполна.

Та нехорошая чернота, которую Джесси почувствовала раньше, все-таки вырвалась из-под контроля. Именно этого она и боялась. Джералд вроде бы продолжал кричать, но его губы кривились в беззвучном крике (по крайней мере Джесси ничего не слышала). Его лицо налилось кровью настолько, что местами казалось почти черным. На чисто выбритом горле мужа яростно пульсировала яремная вена – или это была сонная артерия, если это вообще имеет значение, – и выглядела она страшно, словно вот-вот взорвется. Джесси похолодела от ужаса.

– Джералд? – Ее голос звучал тонко и неуверенно, как голос девушки, которая разбила какую-то дорогую вазу у друга на дне рождения. – Джералд, с тобой все нормально?

Конечно, это был глупый вопрос, идиотский вопрос, но задать его было легче, чем спросить о том, о чем ей действительно хотелось спросить: Джералд, тебе очень больно, да? Джералд, ты не собираешься умирать?

Разумеется, он не собирается умирать, – нервно проговорила примерная женоушка. – Ты его сильно ударила, очень сильно, и тебе должно быть стыдно, но он не умрет. Здесь никто не умрет.

Перекошенный рот Джералда беззвучно дрожал, но он не ответил на ее вопрос. Одной рукой он держался за живот, а другой прикрывал ушибленные гениталии. Теперь обе руки медленно поползли вверх и замерли над его левым соском. Замерли, словно пара маленьких толстеньких розовых птичек, которые долго летели, и очень устали, и сели передохнуть. Джесси заметила, что на животе у мужа проступает отпечаток ноги – ее ноги, – ярко-красный на фоне его розовой кожи.

Джералд попытался выдохнуть воздух. Пахнуло протухшим луком. Последний выдох, – подумала Джесси. – В нижней части легких зарезервирована десятая часть от всего объема воздуха, для последнего выдоха, кажется, так нас учили на биологии. Да, вроде так. Последний выдох, пресловутый последний выдох утопающих и курильщиков. Как только ты его сделаешь, ты либо отклеишься, либо...

– Джералд! – яростно закричала она. – Джералд, дыши!

Его глаза вылезли из орбит, словно мраморные шарики, застрявшие в комке пластилина, но ему удалось сделать единственный маленький вдох. И Джералд – человек, который, как временами казалось, весь состоит из слов, – использовал этот воздух, чтобы сказать свое последнее слово:

– ...сердце...

Вот и все.

– Джералд! – Теперь к ее ярости добавилась нотка испуганного потрясения, как у старой школьной учительницы, застукавшей второклассницу, которая задирает платье перед мальчишками, чтобы показать им крольчат на трусиках. – Джералд, перестань валять дурака и дыши, черт тебя побери!

Но Джералд уже не дышал. Его глаза закатились, так что стали видны желтоватые белки. Язык вывалился наружу. Из обмякшего члена хлынула струя мутной бледно-оранжевой мочи, горячие капельки оросили колени и бедра

Джесси. Она пронзительно завизжала. Дергаясь в наручниках и неуклюже перебирая ногами, она отодвинулась подальше от Джералда.

- Прекрати, Джералд! Прекрати, пока ты не упал с кр...

Поздно. Даже если он слышал ее – в чем Джесси сомневалась, – было уже поздно. Он завалился назад, верхняя часть его туловища перегнулась через край кровати, и тяготение взяло свое. Джералд Берлингем – человек, с которым Джесси когда-то завтракала в постели сливочными пудингами, – кувырнулся с кровати вверх ногами, как неуклюжий мальчишка, который пытается выпендриться перед друзьями в бассейне. Его голова ударилась о деревянный пол с противным глухим стуком, и Джесси опять завизжала. Звук был такой, как будто о край каменной кастрюли разбили огромное яйцо. Она бы, наверное, все отдала, лишь бы только его не слышать.

Воцарилась гнетущая тишина, которую нарушал только визг бензопилы в отдалении. В воздухе перед глазами у Джесси распускалась гигантская серая роза. Лепестков становилось все больше и больше, и когда они окружили ее, как пыльные крылья огромной бесцветной моли, и закрыли собой весь мир, она ничего не почувствовала, ничего. Только признательность.

2

Ей пригрезилось, что она оказалась в длинном холодном коридоре, ведущем куда-то вниз. Вокруг клубился белый туман. По таким вот проходам люди обычно спускаются в неизвестность в фильмах и сериалах типа «Кошмара на улице Вязов» или «Сумеречной зоны». Она была голой, и ей было жутко холодно – все тело ломало, особенно мышцы спины, шеи и плеч. Надо скорее выбираться отсюда, иначе я заболею, – подумала она. – У меня уже судороги от холода и сырости.

(Хотя Джесси знала, что холод и сырость тут ни при чем.)

К тому же Джералду плохо. Я не помню, что с ним, но, по-моему, он болен.

(Хотя она знала, что «болен» – это совсем не то слово.)

Но что самое странное: в глубине души она не хотела уходить из этого туманного коридора, уводящего вниз – к неизвестности. Ей почему-то казалось, что будет лучше остаться здесь. Что если она не останется, то потом пожалеет. И Джесси осталась еще ненадолго.

Она пришла в себя из-за лая собаки. На редкость противный звук – глухой и низкий, но временами срывающийся на пронзительный визг. Каждый раз, когда эта собака гавкала, она словно выблевывала из горла целые горсти острых щепок. Джесси и раньше слышала этот лай... правда, лучше бы не вспоминать – где, когда и при каких обстоятельствах.

Она шевельнулась – левая стопа, правая стопа, ноги как ватные – и вдруг поняла, что если открыть глаза, то можно будет хоть что-то увидеть, даже в тумане. Она так и сделала, и увидела, что находится не в каком-то зловещем коридоре из «Сумеречной зоны», а в спальне их с Джералдом летнего домика на северном берегу озера Кашвакамак, в бухте, которую все называли Зазубриной. Теперь она поняла, почему ей холодно – потому что на ней были одни только тонкие трусики – и почему так болят спина, шея и плечи. Потому что она прикована наручниками к кровати, а, скажем так, задняя часть сползла вниз, когда она отключилась. Никакого сырого тумана, никакого сумеречного коридора... а вот собака была реальной. И она все еще лаяла. Где-то уже совсем близко. Если Джералд услышит...

Джесси вздрогнула при мысли о муже, и этот резкий толчок отдался легким покалыванием в ее сведенных судорогой мышцах. Ощущение исчезало где-то в районе локтей, и Джесси с ужасом поняла, что предплечья и кисти почти ничего не чувствуют – руки как будто превратились в перчатки, набитые остывшим картофельным пюре.

Представляю, как будет болеть, – подумала Джесси и вдруг вспомнила все... и ее самым ярким воспоминанием была та кошмарная картина, когда Джералд падал с кровати вниз головой. То есть сейчас ее муж лежит на полу, мертвый или без сознания, а она тут разлеглась на кровати и размышляет, с чего это вдруг ее руки почти не слушаются. Самовлюбленная эгоистка. Разве так можно?!

Если он умер, то сам виноват, черт его дери, – произнес у нее в голове новый напористый голос, который «сказал, как отрезал». Он собирался добавить еще парочку измышлений, но Джесси заставила его заткнуться. Даже в теперешнем – полубессознательном – состоянии ей все-таки удалось собраться с мыслями, и она поняла, чей это голос – немного гнусавый, надрывный, готовый в любую секунду залиться язвительным смехом. Это был голос Рут Ниери, с которой Джесси жила в одной комнате, когда училась в колледже. И теперь, когда Джесси все вспомнила, она уже не удивлялась. Рут обожала давать советы и высказывать свое мнение по поводу и без повода, причем ее речи частенько шокировали Джесси, девятнадцатилетнюю провинциалку из Фальмут-Форсайд, молоденькую и наивную девочку... хотя так, наверное, и было задумано. Рут вообще обожала эпатировать публику. Она никогда не теряла голову, и Джесси не сомневалась, что Рут искренне верила в шестьдесят процентов того, что говорила, и действительно делала сорок процентов того, о чем рассказывала подругам. А когда речь заходила о сексе, то тут процент был еще выше. Рут Ниери была единственной женщиной из всех знакомых Джесси, которая принципиально не брила ноги и подмышки. Однажды она повздорила с дежурным по их этажу в общежитии – весьма неприятным типом, кстати сказать – и вылила ему в наволочку целый флакон клубничной пены для душа. Рут из принципа ходила на все студенческие собрания и не пропускала ни одной постановки экспериментального студенческого театра. Даже если спектакль поганый, то все равно стоит сходить, лапуля. Хотя бы взглянуть, как какой-нибудь симпатичный парень раздеется прямо на сцене, – говорила она удивленной и заинтригованной Джесси, возвращаясь с очередного провального спектакля под названием «Сын попугая Ноя». – То есть они не всегда раздеваются, но как правило. Я так думаю, что студенты как раз для того и пишут и ставят свои эти пьесы – чтобы парни и девушки могли раздеваться и красоваться на публике.

Джесси уже сто лет не вспоминала про Рут, но теперь голос бывшей соседки по комнате звучал у нее в голове и давал бесценные советы, как в старые добрые времена. А почему бы и нет? Кто, как не Рут Ниери, даст хороший совет и ободрит растерянного человека, который утратил покой и душевное равновесие?! Кто, как не Рут, которая по окончании Нью-Хэмпширского университета успела трижды побывать замужем, два раза пыталась покончить с собой и четыре раза лечилась в реабилитационном центре для хронических алкоголиков и наркоманов?! Старушка Рут – еще один яркий пример того, как тяжело бывшие Дети цветов переживают кризис среднего возраста.

– Господи, мне сейчас только этого и не хватает. «Дорогой Эбби»[5 - «Дорогая Эбби» – колонка полезных советов в газете San-Francisco Chronicle.] из преисподней, – высказалась она вслух, и ее собственный голос, хриплый и низкий, напугал ее куда больше, чем онемевшие и потерявшие чувствительность руки.

Джесси постаралась подтянуться и вернуться в полусидячее положение, в котором была до того, как Джералд совершил свое показательное выступление по кувыркам с кровати (может быть, этот кошмарный звук, похожий на хруст разбившейся скорлупы, тоже был частью сна? Джесси очень на это надеялась), и не на шутку перепугалась, когда поняла, что не может даже пошевелиться. Ее мышцы как будто пронзило тысячами иголок, но руки так и остались висеть неподвижными, бесчувственными плетями. Страх подействовал на нее как нашатырь – в голове прояснилось и сердце забило быстрее. Но больше она ничего не добила. На какую-то долю секунды перед ее мысленным взором возникла картинка из учебника древней истории. Молодая женщина, закованная в колодки, стоит посреди рыночной площади, а вокруг нее толпятся люди, смеются и тыкают в нее пальцами. Она вся сгорбилась, словно ведьма из сказки, а растрепанные волосы скрывают ее лицо, как покрывало кающейся грешницы.

Ее зовут примерная женушка Берлинггейм, и ее наказали за то, что она причинила боль мужу, подумала она. Они наказали примерную женушку, потому что не могут привлечь к ответу истинную виновницу, которая ударила Джералда... Ту, чей голос напоминает мне голос моей старой соседки по комнате.

Но разве ударить и причинить боль верные определения? Вполне вероятно, что единственным верным словом здесь будет убить. Вполне вероятно, что Джералд действительно умер. И вполне вероятно, что – кроме нее и собаки – здесь, на северном берегу озера, больше нет ни единой живой души. И если она сейчас закричит, разве ответит ей кто-нибудь, кроме гагары? Хоть кто-нибудь?! Разве что эхо... Эхо – больше ничего.

Эти невеселые размышления, завершившиеся строкой из «Ворона» Эдгара По, открыли Джесси глаза. Внезапно она осознала, что здесь произошло и что ей еще предстоит пережить, и ее захлестнула волна безумного ужаса. Секунд на двадцать (если бы Джесси спросили, сколько длился этот приступ животного страха, она бы ответила, что как минимум три минуты, а то и все пять) она совершенно обезумела. Крошечная искорка разума еще теплилась в самых

глубинах сознания, но она была настолько мала, что могла лишь беспомощно наблюдать, как взрослая женщина корчится на кровати, хрипя и мотая головой, и отказываясь верить в происходящее.

Острая боль в основании шеи прямо над левым плечом положила конец истерике. Судорога. Очень сильная судорога. Джесси застонала, откинула голову и уперлась затылком в изголовье кровати. Сведенная спазмом мышца напряглась еще больше в таком неестественном положении и как будто окаменела. И снова тысячи иголок впились в руки, но эти мелкие боли не шли ни в какое сравнение с болью в плече. Джесси поняла, что, подтягиваясь к изголовью, только усиливает нагрузку на сведенную мышцу.

Действуя инстинктивно, без какой-либо мысли, она уперлась пятками в матрас, приподняла ягодицы и оттолкнулась ногами. Локти согнулись, и нагрузка на плечи ослабла. И уже в следующую секунду судорога начала отпускать. Джесси с облегчением вздохнула.

Ветер – Джесси мельком отметила, что он заметно усилился, – завывал в соснах на спуске от дома к озеру. В кухне (с тем же успехом это могло быть и в другой галактике) дверь, которую они с Джералдом не потрудились захлопнуть, по-прежнему хлопала по разбухшему косяку: бум-бум-бум. И никаких больше звуков – только ветер и стук. Собака больше не лаяла. Затихла и пила; и даже гагара, казалось, ушла на обеденный перерыв.

Представив гагару на обеденном перерыве, которая лениво дрейфует на поверхности озера и ведет светские беседы со своими товарками, Джесси издала сдавленный хрип – жалкое подобие смеха. Но, как ни странно, он помог ей успокоиться и прогнал остатки истерики. Ей по-прежнему было страшно, но теперь она снова могла мыслить здраво и контролировать свои действия. Хотя из-за этого полусмеха во рту появился противный металлический привкус.

Это адреналин, лапуля, или что там выделяют железы, когда ты выпускаешь когти и лезешь на стену. И теперь, если кто-нибудь спросит, что такое панический страх, ты сможешь ответить со знанием дела – это слепое бесчувствие, после которого во рту остается противный привкус, как будто ты обсосала пригоршню медяков.

Ее предплечья гудели, но пальцы наконец обрели чувствительность. Морщась от боли, Джесси попыталась сжать и разжать кулаки, и у нее получилось. Она услышала слабое позвякивание наручников о столбики в изголовье кровати, и ей вдруг подумалось, что они с Джералдом определенно сумасшедшие. Да, они точно трехнутые. Хотя она не сомневалась, что тысячи людей по всему миру забавляются подобным образом постоянно. Она где-то читала о людях, настолько пресыщенных и сексуально раскрепощенных, что они находили себе совсем уже изуверские развлечения: вешались в туалете и бились в экстазе до тех пор, пока кровоснабжение мозга почти полностью не прекращалось. Подобные игрища лишь укрепляли уверенность Джесси в том, что пенис для мужика – не дар Божий, а скорее проклятие.

Но если это была лишь игра (только игра и ничего больше), то зачем Джералд решил купить настоящие наручники? Интересный вопрос, да?

Может быть, и интересный, но я не думаю, что сейчас это важно, Джесси, – раздался у нее в голове голос Рут Ниери. Удивительно все-таки устроен человек – сколько мыслей приходит ему в голову одновременно. Вот, например: помимо всего прочего, Джесси сейчас размышляла о том, что, интересно, сейчас стало с Рут, которую она не видела уже десять лет. Последней весточкой от нее была открытка трехлетней давности: на открытке был изображен молодой человек в вычурном костюме из красного бархата с гофрированным воротничком. Он стоял, игриво высунув язык, а внизу была надпись: «ОДНАЖДЫ МОЙ ПРИНЦ ПОЙМЕТ, ДЛЯ ЧЕГО МУЖИКУ ЯЗЫК». Юмор новой эпохи, подумала тогда Джесси. У викторианцев был Энтони Троллоп[6 - Энтони Троллоп (1815–1882), английский писатель, автор нравоописательных романов.], у потерянного поколения – Г. Л. Менкен[7 - Генри Луис Менкен (1880–1956), американский журналист и писатель, автор сатирических эссе.], нас же хватило только на скабрзные почтовые открытки да на остроты на бамперных наклейках типа: «КСТАТИ, ЭТО МОЯ ДОРОГА».

На обратной стороне открытки была лишь размытая марка штата Аризона и краткое сообщение, что Рут вступила в общину лесбиянок. Эта новость вовсе не удивила Джесси. Она даже порадовалась про себя, что ее старая приятельница – такая раздражительная и вместе с тем такая необычайно милая – наконец-то смогла найти в великой мозаике жизни ячейку, подходящую и для ее стеклышка – замысловатой стекляшки нетривиальной формы и расцветки.

Джесси закинула открытку Рут в левый ящик стола, где она хранила странные письма, на которые скорее всего никогда не ответит. С тех пор она вообще не вспоминала о Рут Ниери – выдающейся личности, которая мечтала иметь мотоцикл «Харлей-Дэвидсон», но не могла справиться даже с коробкой передач на стареньком Джессином «форде пинто»; которая часто терялась в студенческом городке собственного университета, в котором проучилась три года; которая плакала каждый раз, когда начинала что-то готовить и забывала стряпню на плите, сжигая ее дотла. Случалось это настолько часто, что она не спалила их комнату – а то и все общежитие – лишь по счастливой случайности. Как странно, что этот самонадеянный напористый голос в ее голове ассоциируется у Джесси именно с Рут.

Собака снова залаяла где-то на озере. Лай не приблизился, но и не отдалился. Хозяин этой собаки – явно не охотник. Кому придет в голову взять с собой на охоту такого пустобреха?! А если хозяин просто вывел пса на прогулку, то почему лай раздается из одного и того же места вот уже минут пять?!

Потому что ты была права, – подсказал внутренний голос. – Нет там никакого хозяина. Это был совершенно непонятный голос. Он не принадлежал ни примерной женушке Берлинггейм, ни Рут Ниери, ни самой Джесси (насколько Джесси вообще представляла себя). Это был очень молодой и очень испуганный голос. И, как и голос Рут, он казался ей очень знакомым. Это просто бездомный пес. Он не поможет тебе, Джесси. Он не поможет нам.

Но, может быть, это было слишком уж мрачное предположение. В конце концов она же не знает наверняка, что это бездомный пес, верно? Конечно. И пока она не знает наверняка, она будет думать, что это не так. Потому что ей так спокойнее.

– А если тебе что-то не нравится, можешь подать на меня в суд, – прохрипела Джесси.

Между тем оставалась еще одна «маленькая» проблема. Джералд. В боли и панике она напрочь о нем забыла.

– Джералд? – Ее голос по-прежнему звучал сипло. Джесси откашлялась и попробовала еще раз: – Джералд!

Ничего. Никакого ответа. Глухо.

Это еще ничего не значит. Это не значит, что Джералд умер. Так что держи себя в руках, женщина, и не впадай в панику. Одного раза вполне достаточно.

Она держала себя в руках и – большое спасибо – вовсе не собиралась снова паниковать. Но вместе с тем она чувствовала глубокое беспокойство. И даже не беспокойство, а скорее тоску – как это бывает, когда ты скучаешь по дому. То, что Джералд не отвечает, вовсе не означает, что он умер. Но это значит, что он – в лучшем случае – без сознания.

Но скорее всего он умер, – добавила Рут Ниари. – Я не хочу тебя обижать и писать тебе в норку, Джесс – Джесси, конечно же, вспомнилась их старая студенческая приколка: обидели кротика, написали в норку, – но ты же не слышишь его дыхания, верно? Ведь обычно мы слышим, как дышат люди без сознания, как они шумно втягивают воздух, а потом выдыхают, храпя и сопя, ты согласна?

– Блин, да откуда мне знать, как они там дышат?! – психанула Джесси, но это было глупо. Потому что она знала, как дышат люди без сознания. В старших классах она подрабатывала в больнице и знала, как отличить живого от мертвого. Мертвые не дышали вообще, мертвые не издавали ни звука. И Рут знала о том, сколько времени Джесси провела в Портлендской городской больнице – про себя она называла эти дежурства «годами суден подкладных». Впрочем, даже если бы Рут не знала, этот голос, звучавший у нее в голове, знал обо всем. Потому что это был ее голос. Ее, а не Рут. Джесси приходилось постоянно напоминать себе об этом, потому что голос все время пытался вырваться из-под контроля и стать отдельной, независимой личностью.

Как и те голоса, что ты слышала раньше, – пробормотал молодой голосок. – Голоса, которые ты стала слышать после темного дня.

Но она не хотела об этом думать. Вообще не хотела об этом думать. Ей что, мало других проблем?!

Но Рут все же была права. Люди, которые потеряли сознание – и особенно те, которые отключились, хорошенько приложившись башкой, – обычно храпят, да еще как храпят. А это значит...

- Что скорее всего он умер, - произнесла она вслух. - Замечательно получается.

Джесси осторожно наклонилась влево, памятуя о недавней судороге в плече. Еще не достигнув предела, отпущенного длиной цепи наручника на ее правом запястье, она увидела розовую пухлую руку Джералда и часть кисти - правой, судя по тому, что на безымянном пальце не было обручального кольца, - с аккуратными, чуть ли не наманикюренными ногтями. Джералд всегда очень следил за своими руками и ногтями, но до теперешнего момента Джесси даже не представляла, насколько щепетильно он относился к красоте своих рук. Прямо как женщина. Забавно как получается. Тебе кажется, что ты знаешь о человеке все, и вдруг выясняется, что ты очень многого не замечала.

Да, наверное. Но знаешь что, сладость моя? Можешь уже опускать занавес, потому что я не хочу больше на это смотреть. Да, смотреть не хотелось. Но сейчас она просто не могла позволить себе эту роскошь - не смотреть.

Продолжая двигаться с предельной осторожностью, чтобы не потревожить шею и плечи, Джесси наклонилась еще дальше влево - насколько позволяла длина цепи наручника. А позволяла она немного. Еще два-три дюйма - и все. Впрочем, этого вполне хватило, чтобы увидеть часть правого плеча и головы Джералда. Она не была уверена, но ей казалось, что на кончиках его редящих волос виднеются крохотные капельки крови. Джесси очень надеялась, что это всего лишь игра ее воображения.

- Джералд, - прошептала она, - ты меня слышишь? Пожалуйста, не молчи.

Не отвечает. Не двигается. Ее вновь охватила тоска пополам с липким страхом. Противное ощущение, которое переполняло ее и саднило в душе, словно кровоточащая рана.

- Джералд, - прошептала она опять.

Почему она шепчет? Он мертв. Человек, который однажды ее удивил, пригласив на выходные в Арубу - в Арубу, не куда-нибудь, - и как-то на вечеринке под Новый год надел ее туфли из крокодиловой кожи себе на уши... этот человек мертв. Так какого же черта ты шепчешь?!

– Джералд! – На этот раз она крикнула в полный голос. – Джералд, очнись!

Ее собственный крик чуть было не вызвал истерику снова. И страшнее всего было даже не то, что Джералд не подавал никаких признаков жизни, а то, что панический страх никуда не ушел. Вот он, здесь, у нее внутри. Без усталости кружит в ее сознании, словно хищник – вокруг догорающего костра человека, который отбил от своей компании и заблудился в чаще непроходимого леса.

Но ты-то не заблудилась, – сказала примерная женушка Берлингем, но Джесси не верила ей. Ее железное самообладание казалось наигранным, а непробиваемое здравомыслие – поверхностным и фальшивым. – Ты же знаешь, где ты.

Да, она знает где. В конце извилистой разбитой проселочной дороги, которая отходит от шоссе в двух милях южнее озера. Когда они с Джералдом ехали сюда, дорога была устлана нетронутым ковром из желтых и красных осенних листьев, так что вполне можно было предположить, что по этому проселку, ведущему к бухте, никто не ездил как минимум три недели. С начала листопада. Обычно на этот берег озера приезжают только летом, и вовсе не исключено, что еще со Дня Труда сюда вообще никто не ездил. До ближайших домов на автобане 117, где люди живут круглый год, отсюда было миль пять – сначала по проселку, потом по шоссе.

Я здесь совсем одна, мой муж лежит мертвый на полу, я прикована наручниками к кровати. Я могу кричать хоть до посинения, только это ничего не изменит, потому что никто меня не услышит. Ближе всех ко мне парень с пилой, но до него мили четыре, не меньше. Может быть, он вообще на другом берегу. Собака меня услышит наверняка, но она скорее всего бездомная. Джералд мертв, какая досада... я не хотела его убивать, если это я виновата... но он умер хотя бы быстро и безболезненно. А вот мне предстоит умирать долго и мучительно, если никто в Портленде не начнет о нас беспокоиться, а я не вижу причин, почему бы там начали беспокоиться...

Джесси понимала, что ей не надо об этом думать; эти мрачные мысли только усугубляли страх. Если она не возьмет себя в руки, то ее вновь захлестнет волна паники. Нет, ей не надо об этом думать. Но вот что хреново: если ты начинаешь об этом думать, остановиться уже невозможно.

А может, ты этого и заслуживаешь, – вдруг прорезался нервный и возбужденный голос примерной женушки Берлингейм. – Да, именно этого ты и заслуживаешь. Потому что ты его убила, Джесси. И ты себя не обманешь на этот счет. Я тебе не позволю себя обманывать. Да, он был в плохой форме, и рано или поздно это должно было произойти – сердечный приступ на работе, или на автостоянке, или по дороге домой с работы, когда он пытается прикурить, а большой грузовик резко сигналил ему, чтобы он уступил дорогу. Но ты не могла дожидаться этого «рано или поздно», правда? Нет, только не ты. Только не дочь Тома Махо, хорошая девочка Джесси. Ты не могла просто расслабиться и позволить ему сделать то, что он хочет. Супербаба Джесси Берлингейм решительно заявляет: «Ни один мужик не закует меня в цепи», – и бьет мужа ногой по яйцам. Тебе обязательно нужно было ему заехать? И причем в самый что ни на есть подходящий момент... когда его термостат и без того зашкаливало. Давай лучше начистоту, милая: ты его убила. Так что ты, может быть, и заслуживаешь того, что с тобой приключилось. Может быть...

– Господи, что за чушь, – сказала она вслух. И ей было приятно услышать, что в беседу вступил голос Рут. Иногда (ну, если честно... то слово часто было бы ближе к истине) Джесси ненавидела голос примерной женушки. Ненавидела и боялась. Он нередко бывал капризным, а то и попросту глупым, но вместе с тем он был настолько весомым, настолько уверенным в своей правоте, что с ним было почти невозможно спорить.

Примерная женушка вечно старалась уверить Джесси, что она купила не то платье или договорилась с ненадежным поставщиком продуктов для вечеринки по случаю окончания лета, которую Джералд устраивал каждый год для партнеров из фирмы (то есть устраивала их Джесси, а Джералд только ходил с важным видом, болтал с гостями и выслушивал восторженные отзывы). Примерная женушка вечно нудела, что Джесси не мешало бы похудеть фунтов на пять. Она бы, наверное, не успокоилась, даже если бы у Джесси со всех сторон выпирали ребра. Забудь про ребра! – вопила она в праведном гневе. – Погляди на свои сиськи, старая ты кошелка! А если тебя не стошнит от их вида, то взгляни на свои бедра!

– Полный бред, – повторила Джесси, пытаюсь придать голосу уверенность, но голос все-таки дрогнул, и это было плохо, очень плохо. – Он знал, что я говорила серьезно... он знал. Так кто же тогда виноват?

Но так ли все было на самом деле? С одной стороны, да. Она же видела, что он все понял, но решил сделать вид, будто не понимает, и пропустил мимо ушей ее просьбу. Чтобы не портить себе игру. Но с другой стороны, Джесси знала, что это не так. Потому что последние десять лет их совместной жизни Джералд по большому счету вообще не принимал ее всерьез. Он как будто специально развивал в себе это умение – не слушать жену, и прислушивался к ее словам только тогда, когда речь заходила о еде или о том, куда и когда они собирались идти завтра вечером (только смотри не забудь, Джералд). Единственным исключением из «Свода правил об отключенном слухе» были ее колкие замечания насчет его веса и количества потребляемой выпивки. Он прекрасно слышал все, что она говорила по этому поводу, и хотя это ему совершенно не нравилось, воспринимал ее слова как проявление непреложного закона природы: рыбы плавают, птицы летают, а жены брюзжат.

И что она, спрашивается, ждала? Что он ей скажет: да, дорогая, сейчас я тебя освобожу, и, кстати, большое тебе спасибо, что ты мне подсказала, какая я сволочь?!

Да, она всегда подозревала, что в ней все еще живет наивная, простодушная и доверчивая маленькая девочка, которая именно этого и ждала.

Бензопила, возобновившая было свое рычание, вдруг затихла. Собака, гагара и даже ветер тоже умолкли, по крайней мере на время. Тишина получилась какая-то плотная и осязаемая, как десятилетний слой пыли в заброшенном доме. Джесси напряженно прислушалась. Ничего... Ни звука... И даже у нее в голове больше уже не звучали ничьи голоса. Только ее собственный голос: Боже мой. Боже мой, я здесь одна. Совсем одна.

3

Джесси зажмурилась. Шесть лет назад, втайне от Джералда, она прошла пятимесячный курс психотерапии. Джесси не стала ничего говорить мужу, потому что знала, что он лишь посмеется над ней, а ей совершенно не хотелось выглядеть глупо в его глазах. Она думала, что у нее сильный стресс, и Нора Кэллиган, психотерапевт, показала ей простейшее упражнение для релаксации.

У большинства людей счет до десяти ассоциируется с Дональдом Даком[8 - Имеется в виду знаменитый герой диснеевских мультфильмов, утенок Дональд, совершенно бесноватый птица, который очень легко выходит из себя.], который пытается унять свой буйный темперамент, говорила Нора, но это простенькое упражнение действительно помогает успокоиться и привести мысли в порядок... А если человек не нуждается в эмоциональной разрядке хотя бы раз в день, то у него проблемы похуже наших.

Вспомнив спокойный и уверенный голос Норы, Джесси улыбнулась с легким сожалением.

Она мне нравилась. Очень нравилась.

Думала ли она об этом тогда? Джесси даже слегка удивилась, обнаружив, что просто не помнит. Зато она хорошо помнила, почему бросила ходить к Норе по вторникам, после обеда. Столько всего навалилось одновременно: Городской благотворительный фонд, приют для бездомных на Корт-стрит, сбор средств на новую библиотеку. Дерьмо случается с каждым, гласит еще одна эпохальная «мудрость» нового времени. Но скорее всего это было и к лучшему – бросить занятия. Если вовремя не остановиться, то терапия затянет настолько, что ты будешь ходить к своему аналитику до глубокой старости, а когда отойдешь в мир иной, то даже на небесах все равно приковыляешь к своему психотерапевту, чтобы всласть поваляться на кушетке и поплакаться на тяжелую жизнь.

Да ладно, брось, считай давай. Начни с пальцев ног, как тебя учили.

Ну да... почему нет?

Раз, для ступней и для пальчиков ног, десять милых свиняток – лежат к боку бок.

Да, если учесть, что восемь из этих милашек забавно скрючены, а большие пальцы напоминают набалдашники крикетных молоточков.

Два, для левой и правой ноги, они так прекрасны, стройны и длинны.

Ну, не то чтобы очень стройны и длинны – в ней всего пять футов семь дюймов росту, да и талия, честно сказать, низковата, – но Джералд всегда ее уверял, что

ноги у нее по-прежнему очень даже сексапильные, и вообще это одно из главных ее достоинств. Джесси всегда умилялась этим горячечным уверениям, которые вроде бы были искренними. Но она все равно удивлялась: неужели он не замечает, что колени у нее раздуты и похожи на наросты на стволе дерева, а на бедрах скопился лишний жирок?

Три, для того, что у женщины есть. Женщина я – это нужно учесть.

Симпатичная штучка, конечно – и даже очень, по общему мнению, – но не сказать, чтобы что-то особенное. Не открывая глаз, Джесси приподняла голову, словно хотела взглянуть на ту самую – самую сокровенную – часть своего тела. Но ей и не надо было открывать глаза. С этой штучкой она прожила всю жизнь. С точки зрения эстетики, эта щель между ног, обрамленная колечками рыжих жестких волос, была не более привлекательной, чем плохо зарубцевавшийся шрам. Но, как ни странно, для мужской половины человечества эта в общем-то непримечательная штуковина – которая представляла собой лишь отверстие, окруженное мышечной тканью, – являлась чуть ли не манной небесной. Этакая сказочная долина, куда стремятся дикие единороги.

– Мать моя женщина, что за чушь, – сказала она и даже слегка улыбнулась, не открывая глаз.

Хотя... не такая уж и чушь. Эта щель – предмет вожделения любого нормального мужика – в смысле, гетеросексуала, – и вместе с тем они (мужики) питают к ней совершенно необъяснимое презрение, подозрение и ненависть. Все их шуточки по этому поводу насквозь пропитаны злобой: Что такое женщина? Система жизнеобеспечения для влагалища.

Прекрати, Джесси, – осадил ее примерная женушка. Судя по ее возмущенному тону, эта тема была ей глубоко противна. – Немедленно прекрати.

«Чертовски хороший совет», – подумала Джесси и решила вернуться к своим упражнениям по релаксации. Четыре – это бедра (слишком широкие), пять – живот (слишком толстый). Шесть – грудь, которая, по мнению самой Джесси, была ее главным достоинством. Но она всегда подозревала, что Джералду не особенно нравится ее грудь, в частности из-за размытых контуров голубоватых вен под ее бледной кожей. Ведь у игривых девиц из его любимых журналов как бы и не было никаких кровеносных сосудов, а вокруг их сосков не росли темные

длинные волоски.

Семь – ее слишком широкие плечи. Восемь – шея (которая когда-то была очень даже привлекательной, но с годами все больше и больше походила на цыплячью). Девять – подобие подбородка, и десять...

Погоди! Черт, остановись хоть на минуту! – бесцеремонно вмешался голос, который «сказал, как отрезал». – Что это за кретинская игра такая?

Джесси зажмурилась еще сильнее, напуганная его бешеной яростью и еще тем, что он звучал совершенно отдельно и как бы самостоятельно. Казалось, это был не ее собственный голос, а голос какого-то постороннего злобного существа, которое пытается бесцеремонно захватить ее сознание, как демон Пацузу, вселившийся в девочку в «Экзорцисте»[9 - Знаменитый фильм ужасов, в русском прокате шел под названием «Изгоняющий дьявола».]

Что, не хочешь отвечать? – спросила Рут Ниери, она же Пацузу. – Хорошо, может быть, этот вопрос слишком сложный. Ладно, Джесс, я его упрощу. Специально для тебя: кто превратил глупенькую расслабляющую считалочку Норы Кэллиган в гимн самобичевания и ненависти к себе?

Никто, – смиренно подумала она, но поняла, что взбешенному голосу Рут Пацузу такой ответ не понравится, и поспешно добавила: – Примерная женушка, это все она.

Нет, не она, – презрительно парировала Рут, так что сразу же стало ясно: жалкая попытка Джесси переложить вину на чужие плечи была ей противна донельзя. – Женушка глуповата и сейчас сильно напугана, но она в общем-то неплохая и всегда желала тебе добра. А у того, кто переделал считалочку Норы, были действительно злые намерения. Очень злые. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты не видишь...

– Я вообще ничего не вижу с закрытыми глазами, – сказала Джесси, и ее голос дрогнул. Она хотела открыть глаза, но что-то ей подсказало, что этого делать не стоит. Так будет только хуже.

Так кто это, Джесси? Кто вдолбил тебе в голову, что ты никчемная уродина? Кто решил, что вы с Джералдом – прекрасная пара и что он твой Прекрасный принц,

причем задолго до вашей встречи на той вечеринке? Кто придумал, что он – это именно то, что тебе нужно, именно то, чего ты заслуживаешь?

Огромным усилием воли Джесси заставила этот голос – все голоса, как она очень надеялась, – умолкнуть и вновь начала декламировать считалочку, но уже не про себя, а вслух.

– Раз, для ступней и для пальчиков ног, десять милых свиняток лежат к боку бок. Два, для левой и правой ноги, они так прекрасны, стройны и длинны. Три, для того, что у женщины есть. Женщина я – это нужно учесть. Четыре – крутые и крепкие бедра, пять – плоский животик, завидно до черта. – Она не могла вспомнить дальше (и, вероятно, к лучшему, потому что у нее были сильные подозрения, что Нора сочиняла эти стишки сама по типу дурацких плохо рифмованных сентенций из тоскливых журналов из серии «Помоги себе сам», которые валялись на столике у нее в приемной) и продолжила уже без рифмы: – Шесть – моя грудь, семь – плечи, восемь – шейка...

Джесси остановилась, чтобы перевести дух, и с облегчением отметила, что сердце колотится уже не так сильно. С бешеного галопа оно перешло на быстрый бег.

– ...девять – подбородок, а десять – глаза. Глазки, откройтесь!

Она распахнула глаза, и залитая солнцем спальня развернулась вокруг нее ярким вихрем, какая-то новая и – на мгновение – почти такая же уютная, как в то первое лето, которое они с Джералдом провели в этом доме вместе. Словно время повернуло вспять и то волшебное лето семьдесят девятого вернулось назад. Тогда все это казалось сказкой, но давно уже превратилось в замшелую древность.

Джесси оглядела серые, обитые вагонкой стены, высокий белый потолок, играющий бликами света от отраженной воды, и большие окна по обе стороны кровати. Левое выходило на запад, открывая вид на пологий берег и ослепительно яркую голубизну озера. Вид из правого окна был куда менее романтичен – кусок подъездной дорожки и ее пожилой, купленный восемь лет назад серенький «мерседес», на котором уже кое-где появились пятнышки ржавчины.

На противоположной стене, прямо над туалетным столиком, висел батик с изображением бабочки. Джесси совершенно не удивилась, вспомнив, что эту картинку ей подарила Рут. На день рождения, когда ей исполнилось тридцать. Отсюда, с кровати, она не видела маленькую подпись, вышитую красными нитками: Ниери, 83, – но она знала, что подпись там есть. Восемьдесят третий. Еще один фантастический год.

Недалеко от батика с бабочкой на хромированном крючке, вбитом в стену, висела глиняная пивная кружка Джералда (уродливая донельзя и совершенно не вписывающая в убранство комнаты, хотя Джесси так и не собралась с духом сказать об этом мужу) с эмблемой его бывшего студенческого братства «Альфа Гамма Ро». «Альфа» не пользовалось популярностью в университете, и члены других братств называли его за глаза «Альфа Геморрой». Но Джералд всегда относился к нему с каким-то чуть ли не священным трепетом и извращенной гордостью. И к этой кружке он относился так же – держал ее на виду, на стенке и каждый год пил из нее первое летнее пиво. Этот торжественный ритуал наряду с другими странностями Джералда – еще задолго до сегодняшней веселухи – иногда заставлял Джесси задуматься, а была ли она в здравом уме, когда выходила замуж за этого человека.

Кто-то должен был положить этому конец, – мрачно подумала она. – Но никто ничего не сделал, и вот как все обернулось.

На стуле у входа в ванную валялись стильные юбка-брюки и легкая блузка без рукавов, которые Джесси надела в этот не по-осеннему теплый день. Ее лифчик висел на дверной ручке. Яркий свет падал на кровать, превращая мягкие волоски у нее на ногах в тонкие золотые проволочки – не квадрат желтого света, который лежал почти точно посередине постели ровно в час дня, и не четкий прямоугольник, как в два часа пополудни, а широкая полоса, которая скоро сузится до тоненькой тесемочки. Электронные часы, стоявшие на комод, сбились из-за перепадов напряжения (мигая, словно неоновая вывеска над баром, они упрямо показывали двенадцать часов), но судя по тому, как падал солнечный свет, было уже около четырех. Чуть позже, но уже скоро тесемочка света поползет по кровати, а в углах и под столиком у стены сгустятся тени. В конце концов свет тонкой нитью соскользнет с кровати и, постепенно угасая, начнет восхождение вверх по стене. Тени крадучись покинут свои убежища и заполнят всю комнату, поглощая свет. Солнце клонилось к западу, через час – самое большое полтора – начнет смеркаться, а еще минут через сорок станет совсем темно.

Эта мысль не вызвала паники – пока что не вызвала, – но все-таки привела Джесси в уныние, а ее сердце похолодело от страха. Джесси попыталась представить, как все это выглядит со стороны. Вот она лежит прикованная наручниками к кровати, на полу под кроватью валяется мертвый Джералд – и они так и останутся тут лежать, когда на улице станет темно, и парень с бензопилой уйдет домой, где жена и детишки, тепло и уют, и пес убежит, и только треклятая гагара останется на озере и будет тоскливо кричать на озере. И ответом ей будет лишь эхо. Эхо – и больше ничего.

Мистер и миссис Берлингейм проводят вместе последнюю ночь.

Взглянув на пивную кружку и бабочку из батика – такое вопиющее несоответствие можно стерпеть лишь в доме, где живешь два-три месяца в году, – Джесси подумала, что легко размышлять о прошлом и почти так же просто (хотя и менее приятно) строить планы на будущее. А вот жить в настоящем было тяжеловато. Но она все же должна постараться, решила Джесси. Иначе все могло обернуться гораздо хуже. Не стоит рассчитывать, что какой-нибудь *deus ex machina*[10 - Выражение буквально переводится с латинского как «Бог из машины» и означает счастливую развязку трудной ситуации вследствие вмешательства непредвиденных обстоятельств.] явится словно по волшебству и вытащит ее из этой передрыги. Лучше сразу настроить себя на то, что никто не придет и ей придется выпутываться самой. И если это удастся, то ее ждет награда: не придется лежать практически голой и краснеть, пока помощник шерифа будет отпирать наручники, выпрашивать, что, черт побери, здесь произошло, и при этом пялиться во все глаза на ладное белое тело новоиспеченной вдовы.

Ее беспокоили еще две вещи. Джесси многое бы отдала, лишь бы забыть о них хоть ненадолго. Ей хотелось пить и нужно было в туалет. Пока что желание пить было не таким уж и сильным и не являлось большой проблемой. Но было вполне очевидно, что уже очень скоро жажда станет практически невыносимой, и она даже думать боялась о том, что с ней будет, если в самое ближайшее время не удастся освободиться и добраться до крана.

Вот будет забавно, если я умру от жажды в сотне ярдов от девятого по величине озера штата Мэн, – подумала Джесси, но потом покачала головой. Кашвакамак – не девятое по величине озеро штата, о чем она только думает? Девятое – Дак-Скор, на котором она отдыхала много лет назад вместе с братом, сестрой и родителями. Задолго до голосов в голове. Задолго до...

Джесси резко оборвала воспоминания. Тяжело. Неприятно. Она уже очень давно не вспоминала об озере Дак-Скор и совершенно не хотела думать о нем теперь. Лучше уж думать о том, что ей хочется пить.

А что тут думать, лапуля? Это всего лишь психосоматика. Тебе хочется пить исключительно потому, что ты знаешь, что не можешь встать и попить. Все просто.

Просто, да не совсем. Джесси поссорилась с мужем, и два ее резких удара вызвали у него в организме цепную реакцию, которая привела к смерти. И теперь сама Джесси переживала последствия выброса гормонов в кровь. Шок, одним словом, а жажда – один из самых распространенных его симптомов. Скорее всего ей еще повезло. Все могло обернуться гораздо хуже...

Но если подумать, то выход у тебя есть.

Джералд, по сути своей, был рабом привычек. Среди его бесчисленных привычек была и такая: всегда оставлять стакан воды на своей стороне полки в изголовье кровати. Джесси подняла голову – и да, вот он стоит, высокий бокал воды с горстью подтаявших кубиков льда. Стакан, без сомнения, стоял на подносе, чтобы на поверхности полки не осталось мокрого следа. В этом был весь Джералд – он всегда помнил о таких мелочах. Капельки воды блестели на запотевшем стекле, словно пот.

Взглянув на стакан, Джесси почувствовала первый приступ уже настоящей жажды. Она нервно облизала губы и подвинулась вправо, насколько это позволила цепь наручников. Всего лишь шесть дюймов, но тем не менее Джесси оказалась на половине кровати мужа. На покрывале виднелось несколько темных пятен. Пару секунд Джесси разглядывала эти мокрые пятна, недоумевая, откуда они могли взяться, но потом вспомнила, как Джералд обмочился в предсмертной агонии. Она быстро перевела взгляд на стакан с водой, стоявший на картонном кружочке с рекламой какого-то элитного пива, скорее всего Beck's или Heineken.

Она медленно протянула руку к стакану, очень надеясь, что у нее получится. Но нет. До воды оставалось еще три дюйма. Новый приступ жажды не заставил себя ждать. Горло болезненно сжалось, а язык засадило. Хорошо еще, что он быстро прошел, этот приступ.

Если никто не придет или я не придумаю, как мне освободиться до завтрашнего утра, то я просто свихнусь от вида этого стакана.

Ее ужаснула безупречная логика этой мысли. Нет уж, завтра утром ее здесь не будет. Смешно даже думать об этом. Безумно. Нелепо. Да и не стоит оно того, чтобы о нем вообще думать. И...

Перестань, – оборвал ее категоричный голос, который сказал, как отрезал. – Прекрати. И Джесси прекратила.

До нее вдруг дошло, что все это совсем не смешно. Джесси даже мысли не допускала, что может тут умереть – вот это действительно было нелепо, – но если она не соберется с мыслями и ничего не придумает, то ей точно придется провести здесь долгие томительные часы. Одной, в темноте, в компании мертвого мужа.

Долгие, томительные... и, вероятно, болезненные, – захныкала примерная женушка. – Но боль будет тебе как расплата, правильно? В конце концов ты сама виновата. Надеюсь, я не очень тебя утомляю, но если бы ты дала ему кончить...

– Ты очень меня утомляешь, женушка, – сказала Джесси. Она не помнила, чтобы раньше разговаривала так вот, вслух, со своими внутренними голосами. Она подумала, что сходит с ума. Но сейчас ей было на это плевать. Да и вообще – на все.

Джесси снова закрыла глаза.

4

На этот раз перед мысленным взором Джесси предстала вся комната целиком. Конечно, она по-прежнему оставалась центральной фигурой этой картины. Боже ты мой, Джесси Махо Берлингейм, приятная дама под сорок, еще вполне элегантная, ростом пять футов семь дюймов, весом сто двадцать пять фунтов, с серыми глазами и рыжевато-каштановыми волосами (первая седина у нее появилась лет пять назад, и она тут же ее покрасила и была уверена, что

Джералд даже и не догадывался об этом). Джесси Махо Берлингейм, которая влипла в историю, совершенно не понимая, как такое могло получиться. Джесси Махо Берлингейм, по-прежнему бездетная – только теперь уже не жена, а, очевидно, вдова Джералда, прикованная к этой проклятой кровати двумя парами полицейских наручников.

Она заставила себя сосредоточиться на этих чертовых наручниках. Она думала о них так упорно, что на лбу пролегла морщинка.

Четыре браслета, соединенные стальными шестидюймовыми цепочками, звенья которых покрыты резиной, с оттиском М-17 около замка – наверное, серийный номер. Джесси вспомнила, что, когда эти забавы только начинались, Джералд говорил, что на каждом браслете есть зазубренная дужка для регулировки размера. На этой модели можно было уменьшить длину цепей так, чтобы руки пленника оказались стянутыми за спиной запястье к запястью. Впрочем, Джералд всегда оставлял максимальную длину.

А почему бы и нет, черт побери? – подумала Джесси. – В конце концов это всего лишь игра... верно, Джералд?

Она снова задумалась, как ее муж относился к подобным забавам. Может быть, для него это было не просто игрой?

Что такое женщина? – прошептал тихий голос, голос из НЛО, в глубинах ее сознания. – Система жизнеобеспечения для влагилица.

Уходи, – подумала Джесси. – Пошел прочь, ты мне только мешаешь.

Зачем женщине рот и писька? – не унимался голос НЛО. – Чтобы она могла писать и одновременно стонать и охать. Еще вопросы, девочка?

Нет. После таких обескураживающе бредовых ответов Джесси решила больше не спрашивать. Она покрутила руками в наручниках и поморщилась. Стальные браслеты больно царапали нежную кожу запястий, хотя боль была не такой уж и сильной, а руки двигались достаточно свободно. Джесси не знала, считал ли Джералд женщин системой жизнеобеспечения для влагилица, но ему хотя бы хватило ума не затягивать наручники до упора, чтобы ей не было больно. Да она бы и не дала ему затянуть их до упора (по крайней мере она так себе говорила,

и не один из внутренних голосов не стал вредничать и возражать). Но тем не менее браслеты наручников держали достаточно крепко и просто вытащить руки Джесси не могла.

Или нет?

Она попробовала дернуть. Браслеты скользнули вверх и больно впились в кожу там, где запястье переходит в ладонь. Джесси рванула сильнее, боль стала почти нестерпимой. Вдруг она вспомнила, как отец однажды прищемил передней дверцей фургона руку Мэдди, когда она почему-то решила вылезти из машины через водительскую дверцу. Как же она кричала! Сестре раздробило какую-то кость – Джесси не могла вспомнить ее точное название, но зато помнила, как Мэдди ходила, гордо показывая всем гипс, и хвастала, что у нее порвана ректальная связка. Это очень веселило Джесси и Вилла, ведь всем известно, что «ректальный» – это научное определение пятой точки. Они смеялись, совершенно не желая обижать Мэдди, но та все равно обижалась и грозилась пожаловаться маме.

Ректальная связка, – подумала Джесси и потянула сильнее, несмотря на боль. – Ректальная связка и радио-локте-чего-то-там. Не важно. Если ты сможешь выбраться – а по-моему, лапуля, тебе стоит попробовать, – то пусть уже доктора потом думают, как собрать Шалтая-Болтая.

Джесси тянула все сильнее и сильнее, надеясь, что руки выскользнут из наручников. Если бы они сдвинулись хоть чуть-чуть, на четверть дюйма – или лучше наполовину, – то проскользнули бы выступающие суставы больших пальцев и дальше пошло бы гораздо легче. По крайней мере она очень на это рассчитывала. Да, дальше тоже есть суставы, но о них мы подумаем позже, когда до них дойдет дело, если вообще дойдет.

Она потянула еще сильнее, морщась от боли и напряжения. На руках вздулись бугры затвердевших мышц. На бровях, на щеках и над верхней губой проступили капельки пота. Джесси безотчетно высунула язык и слизнула бисеринки пота над губой.

Боль была просто кошмарная, но Джесси не обращала внимания на боль. Она остановилась, когда поняла, что мышцы уже выдали предельный максимум того, на что способны, а наручники не сдвинулись ни на дюйм. Все надежды на

быстрый благополучный исход пошли прахом.

А ты уверена, что тянула в полную силу? Или ты просто боишься, что будет больно?

– Да, – ответила Джесси, не открывая глаз. – В самую полную силу. Честное слово.

Но другой голос не исчезал. Причем Джесси воспринимала его не на слух, а скорее как зрительный образ – как вопросительный знак на картинках комиксов.

На запястьях – в тех местах, где в кожу врезались наручники, – остались глубокие белые следы. Джесси уже перестала тянуть, но руки все равно саднило. Она подняла руки вверх и схватилась за перекладину в изголовье кровати.

– Опаньки, – проговорила она с дрожью в голосе. – А вот это уже совсем хреново.

Она же тянула в полную силу... или все-таки не до конца?

Не важно, – подумала Джесси, глядя на блики, пляшущие на потолке. – Это не важно, и я объясню почему: даже если я смогу потянуть сильнее, ты помнишь, что было с запястьем Мэдди, когда его прищемили дверцей машины? Так вот, у меня будет то же самое, только с двумя руками: кости сломаются, ректальные связки порвутся, как резиновый жгут, а радио-локте-чего-то-там вообще разлетятся на кусочки, как глиняные птички в тире. Я и так здесь лежу прикованная к кровати и мучаюсь от жажды. Не хватало мне только еще и с искалеченными руками. Они еще и распухнут вдобавок ко всем прочим радостям. Вот что я думаю: хотя Джералд и не успел мне вставить, но он все-таки поимел меня напоследок. Как следует поимел, просто раком поставил.

Ладно, какие будут предложения?

Никаких, – всхлипнула примерная женушка, которая, судя по голосу, была на грани нервного срыва.

Джесси ждала, что голос Рут тоже выскажет свое мнение, но он, как ни странно, молчал. Похоже, Рут тоже ушла на обеденный перерыв и плескалась сейчас где-то там... с остальными гагарами. Иными словами, Рут бросила Джесси на произвол судьбы. Мол, разбирайся сама.

Хорошо, ладно, каждый сам за себя, – подумала Джесси. – Что мы теперь будем делать с наручниками, когда убедились, что просто вытащить руки у нас не получится? Что тут вообще можно сделать?

Две пары наручников, по два браслета в каждой, – неуверенно начал молоденький голос, которому Джесси пока не придумала имя. – Ты пыталась вытащить руки из пары браслетов, и у тебя ничего не вышло... А как насчет двух других? Которые пристегнуты к столбикам в изголовье? О них ты подумала?

Джесси запрокинула голову, откинулась на подушку и выгнула шею, чтобы посмотреть на спинку кровати. В таком положении она видела все вверх ногами, но это несколько ее не смущало. Кровать была меньше, чем «королевский размерчик», но все же чуть больше обычной двуспальной. У нее вроде бы тоже было какое-то смешное название – типа «размер придворного шута» или «старшей фрейлины», – но Джесси давно заметила, что с годами все сложнее и сложнее быть в курсе всякой такой ерунды. Она не знала, что это: развитие хорошего вкуса или признаки приближающейся старости. Но как бы там ни было, эта кровать идеально подходила для секса, но была чуть-чуть тесноватой для того, чтобы нормально спать вдвоем.

Впрочем, ей с Джералдом это не причиняло никаких неудобств: на протяжении последних пяти лет они спали в разных комнатах – и здесь, в летнем домике, и дома, в Портленде. Она сама так решила, потому что устала от постоянного храпа мужа, который с годами становился все громче. В тех редких случаях, когда они приезжали сюда на выходные с друзьями, им приходилось спать вместе, и это было ужасно неудобно. А вообще-то эта кровать была у них только для секса. Но если честно, то не храп был главной причиной того, что они с Джералдом спали раздельно. Это была просто дипломатичная отговорка, а настоящей причиной был запах. Запах пота Джералда. Сначала он просто не нравился Джесси, а потом стал вообще противен. Даже если Джералд перед сном принимал душ, уже через пару часов вокруг него распространялся кислый запах шотландского виски.

До этого года все развивалось по одному сценарию: вялый и безразличный секс, за ним – период сладкой дремоты (который нравился Джесси гораздо больше, чем первая часть), после чего Джералд шел в душ и уходил к себе в комнату. Но с марта все изменилось. После забав с шелковыми шарфами и наручниками – с наручниками в особенности – Джералд выматывался до состояния выжатого лимона, чего никогда не случалось после обычного секса в старой доброй позе стыдливого миссионера, и частенько засыпал рядом с ней. Джесси не возражала, потому что в такие дни они весь вечер забавлялись в постели и от Джералда пахло просто потом, а не несло перегаром. Вдобавок он почти не храпел.

Но все эти занятия – все эти утренники с шарфами и наручниками – проходили в их доме в Портленде, – подумала Джесси. – Мы провели здесь почти весь июль и начало августа, но в тех редких случаях, когда мы занимались любовью, это был старый добрый супружеский секс, незамысловатый, как пюре с тушенкой: Тарзан сверху, Джейн снизу. До сегодняшнего дня мы ни разу не забавлялись здесь с наручниками. Интересно, почему?

Быть может, все дело в слишком высоких окнах необычной формы, к которым не подходили обычные занавески. Они так и не собрались поставить тонированные стекла, хотя Джералд каждый год бубнил, что обязательно сделает это к... ээ...

Прямо к сегодняшнему дню, – закончила примерная женушка, и Джесси мысленно поблагодарила ее за тактичность. – И ты права: все дело в окнах. Вряд ли бы Джералд был рад, если бы в самый неподходящий момент к вам заехал Фред Лэглэн или, скажем, Джэйми Брукс пригласить его на партию в гольф, и увидел бы, как Джералд экспериментирует с миссис Берлингем, прикованной наручниками к кровати. Представляешь, какие пошли бы слухи? Фред и Джэйми в принципе неплохие парни, и тем не менее...

Парочка старых хрычей, на мой взгляд, – мрачно вклинилась Рут.

...они самые обыкновенные люди, а эта история слишком занятная и пикантная, чтобы хранить ее в тайне. И еще одно, Джесси...

Джесси не дала ей закончить. Ей совсем не хотелось слышать приятный и милый, но безнадежно ханжеский голос примерной женушки.

Возможно, Джералд никогда не просил ее поиграть в их игру здесь, в летнем домике, потому что боялся чего-нибудь непредвиденного, словно мнительный игрок, который боится, что в самый ответственный момент у кого-нибудь на руках будет джокер, который побьет его туза. Какой такой джокер? Ну мало ли, – подумала она. – Давай скажем так: наверное, какая-то часть Джералда и вправду считала женщину системой жизнеобеспечения для влагилица... но была и другая часть, которую я назвала бы «лучшей частью Джералда». И вот она-то как раз и боялась, что что-нибудь выйдет из-под контроля. И, как выяснилось, не зря.

С этим трудно поспорить. Потому что все так и случилось: кое-что вышло из-под контроля. Причем очень серьезное «кое-что».

В душе на миг шевельнулась щемящая тоска, и Джесси с трудом подавила желание посмотреть туда, где лежал Джералд. Она до сих пор еще не поняла, горюет или нет по покойному мужу, но одно она знала точно: сейчас не время об этом думать. И тем не менее было бы хорошо вспомнить что-нибудь приятное о человеке, с которым она прожила столько лет. И теперь Джесси поняла, что ей нравилось, когда он засыпал рядом с ней после занятий любовью. Ей были противны шарфы, а наручники – вообще отвратительны до глубины души, но она любила смотреть на Джералда, когда он засыпал. Ей нравилось наблюдать, как смягчаются жесткие черты его большого розового лица.

В каком-то смысле он и сейчас спит рядом...

От этой мысли Джесси пробрал озноб. Холодом обдало даже верхнюю часть бедер, по которым сползало тающее пятно солнечного света. Она решила не думать о муже – по крайней мере постараться не думать – и вновь принялась изучать изголовье кровати.

Столбики чуть возвышались над изголовьем, но под таким углом, чтобы Джесси чувствовала себя достаточно комфортно даже с раскинутыми в стороны руками. Между столбиками шли четыре горизонтальные рейки, тоже из красного дерева, с простеньким, но приятным волнистым узором. Однажды Джералд предложил вырезать на центральной рейке их инициалы – он даже знал человека из Ташмур Глен, который бы взялся за эту работу, – но Джесси быстренько охладила его пыл. Она посчитала это показухой и настоящим ребячеством. В конце концов они с мужем не парочка влюбленных подростков, которые вырезают на школьных партах свои имена внутри пронзенных стрелой сердечек.

Почти сразу над верхней рейкой висела полка, расположенная с таким расчетом, чтобы никто не стукнулся головой, если захочет сесть. На ней стоял стакан воды, валялось несколько книжек в бумажном переплете, а на стороне Джесси лежала и кое-какая косметика, которую она забыла забрать после лета. Теперь она наверняка вся высохла. Какая досада, ведь ничто так не бодрит прикованную к кровати женщину, как румяна «Сельская утренняя роза». Так пишут во всех женских журналах.

Джесси медленно и осторожно подняла руки. Она по-прежнему лежала, откинув голову назад, чтобы видеть спинку кровати. Наручники были пристегнуты к столбикам между второй и третьей рейкой. Теперь, с поднятыми и сжатыми в кулаки руками, она стала похожа на атлета, поднимающего невидимую штангу. Браслеты наручников скользнули вверх по столбикам и уперлись в рейку. Ага. Теперь надо придумать, как выломать эту рейку и еще следующую... и тогда можно будет снять наручники через верх. Вуаля.

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком уж просто, но ты все же попробуй. Не получится, так хотя бы развлечешься – время проведешь.

Джесси взялась руками за рейку, мешающую снять наручники, глубоко вдохнула, на секунду задержала дыхание, собираясь с силами, и резко дернула. Одного раза было вполне достаточно, чтобы понять: ничего не получится. С тем же успехом она могла бы пытаться выдернуть стальную арматуру из бетонной стены. Рейка даже не шелохнулась.

Я могу дергать хоть до посинения и все равно не сдвину ее ни на дюйм, не говоря уж о том, чтобы выломать, – подумала она и расслабилась. Руки снова бессильно повисли на цепях наручников. Джесси вскрикнула от отчаяния. Этот сдавленный крик напоминал вопль голодной чайки, кружащей над морем.

– И что мне теперь делать? – спросила она у бликов на потолке, и ее наконец прорвало. Она разрыдалась от страха и отчаяния. – Что же мне теперь делать, черт побери?

Словно в ответ на ее вопрос на улице снова залаяла собака. На этот раз очень близко – так близко, что Джесси испуганно вскрикнула от неожиданности. Впечатление было такое, что собака стоит на подъездной дорожке, прямо под восточным окном.

Только собака была не на подъездной дорожке, а гораздо ближе. Ее длинная тень на асфальте едва не касалась переднего бампера «мерседеса», а это значит, что собака стояла прямо на заднем крыльце. Джесси смотрела на ее жутковатую бесформенную тень, и ей представлялся какой-то уродец из цирка уродов. Она сразу же возненавидела эту собаку.

Не будь идиоткой, – одернула себя Джесси. – Солнце садится, и поэтому тени такие длинные. Лучше, девочка, позови на помощь. Может быть, она все-таки не бездомная, эта собака?

Вполне может быть. Где-то поблизости может бродить и хозяин, хотя лучше не слишком на это надеяться. Скорее всего собаку привлекла корзина для мусора, стоящая на крыльце. Джералд иногда называл это сооружение, плетенное из кедровых веток, «магнитом для енотов», но на этот раз оно «притянуло» собаку – голодную бродячую дворнягу.

Но все-таки стоит попробовать.

Как говорится, попытка не пытка.

– Эй! – закричала она. – Эй! Там есть кто-нибудь? Помогите! Кто-нибудь, помогите?!

Собака тут же перестала лаять. Ее паучья бесформенная тень дернулась, повернулась, сдвинулась... и опять настороженно замерла. По дороге сюда они с Джералдом ели сэндвичи, огромные масляные бутерброды с колбасой и сыром. И когда они подъехали к дому, Джесси первым делом собрала и выбросила в корзину остатки сэндвичей и оберточную бумагу. Сочный запах масла и мяса привлек собаку и удержал на крыльце, хотя при звуке голоса Джесси она явно хотела сорваться обратно в лес. Голод пересилил страх.

– Помогите! – опять закричала Джесси. Отчасти она понимала, что ей не стоит кричать, что лучше всего лежать тихо, потому что от воплей лишь сядет голос и

еще больше захочется пить. Но так уж устроены люди: редко когда кто слушает предостерегающий голос разума. Джесси чувствовала запах своего страха, такой же сильный и притягательный, как запах объедков – для собаки. Она сейчас пребывала в таком состоянии, которое было даже не паникой, а каким-то мгновенным умопомешательством. – ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! ПОМОГИИИИТЕ!

Она кричала, пока окончательно не охрипла. Мокрые от пота волосы спутанными завитками прилипли ко лбу и щекам, глаза чуть не вылезли из орбит. Джесси даже думать забыла о том, что ее найдут голую и прикованную к кровати, а рядом на полу будет лежать мертвый Джералд. Новый прилив паники был сродни странному помутнению сознания – свет рассудка померк и перед мысленным взором предстала ужасная картина ее вероятного будущего: голод, сводящая с ума жажда, судороги и смерть. Она не была, к сожалению, ни Хизер Локлер[11 - Актриса, известная российскому зрителю по сериалу «Мелроуз плейс»], ни Викторией Принсипал, и это были не съемки какого-нибудь приключенческого кино для кабельного телевидения. Здесь нет ни камер, ни прожекторов, ни режиссера, который крикнет: «Стоп. Снято!» Все это происходит на самом деле, и если никто не придет на помощь, то так и будет происходить – до самого конца. Джесси уже не волновало, что ее найдут в таком неприглядном виде. Она дошла до того состояния, что встретила бы Мори Пович и всю съемочную группу сериала «Вот такие дела»[12 - Информационно-развлекательный телесериал на основе реальных событий – скандальных, сенсационных, курьезных и просто необычных.] со слезами благодарности.

Никто не откликнулся на ее дикие вопли: ни смотритель дачного городка, решивший обойти округу, ни любопытный из местных, который вышел прогуляться с собакой (и, возможно, проверить, нет ли где по соседству маленькой плантации марихуаны среди шелестящих сосен), и уж тем более Мори Пович. Поблизости не было никого – только длинная жутковатая тень, при взгляде на которую воображение рисовало нелепого собако-паука, балансирующего на четырех тонких трясущихся лапках. Джесси сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки и унять разыгравшееся воображение. В горле пересохло, а в носу неприятно саднило от слез.

И что теперь?

Она понятия не имела. Горькое разочарование затопило ее сознание, вытеснив все остальные чувства и не давая возможности сосредоточиться. Сейчас она

вообще ничего не соображала и знала только одно: собака ей не поможет. Она лишь постоит на заднем крыльце и убежит себе восвояси, как только поймет, что в корзинку, где так вкусно пахнет, ей все равно не забраться. Джесси всхлипнула и закрыла глаза. По щекам медленно покатались слезы, сверкающие в закатном солнце, как капельки золота.

Что теперь? – снова спросила она. За окном шумел ветер, шептались сосны, хлопала неприкрытая дверь. – Что теперь, примерная женушка? Что теперь, Рут? Что теперь, всякие НЛО и прочие призрачные голоса? У кого-то из вас – то есть из нас – есть идеи? Я хочу пить, я хочу в туалет, и мой муж лежит мертвый. Вокруг ни души, только бродячая собака, у которой единственная мечта – добраться до остатков сэндвичей с колбасой из забегаловки «У Амато» в Горхэме. Но скоро до нее дойдет, что вкусная штука недостижима, как рай на земле, и она быстренько свалит. Ну... что теперь?

Нет ответа. Все голоса замолчали. С одной стороны, это плохо – как-никак, все же компания. Но приступ паники миновал, и это было уже хорошо. Пусть даже во рту вновь остался все тот же противный металлический привкус.

Посплю немного, – решила Джесси и сама удивилась, когда поняла, что действительно сможет уснуть, если захочет. – Чуть-чуть посплю, а потом, как проснусь, глядишь, и придумаю что-нибудь умное. Но даже если и не придумаю, то хотя бы отдохну и на время избавлюсь от страха.

Джесси закрыла глаза. Морщинки в их уголках и на лбу постепенно разгладились. Она почувствовала, что засыпает. Жалость к себе сменилась чувством облегчения и искренней благодарности. Ветер, казалось, шумел уже где-то совсем далеко, а неугомонный стук двери отодвинулся еще дальше: хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, хлоп.

Уже погружаясь в сон, она задышала спокойнее и глубже. Но вдруг задержала дыхание и открыла глаза. Поначалу, спросонья, Джесси даже не сообразила, что произошло. Ее переполнили раздражение и обида: она уже почти заснула, черт побери, и тут эта проклятая дверь...

Что там с этой дурацкой дверью?

Просто эта идиотская дверь сбилась с обычного ритма и хлопнула один раз вместо двух, только и всего. И теперь, когда Джесси сообразила, в чем дело, она услышала стук когтей по полу в коридоре. Собака вошла через открытую дверь. И теперь она в доме.

Джесси отреагировала мгновенно и недвусмысленно:

– Пошла прочь! – завопила она. Ее сорванный хриплый голос звучал, как портовая сирена в тумане. – Убирайся, паршивка! Ты слышишь? ПОшла прочь из моего дома! УБИРАЙСЯ К чертям СОБАЧЬИМ!

Она замолчала, задохнувшись. Ее всю трясло, словно под кожей по венам пустили ток. Волосы на затылке топорщились, как иглы дикобраза. Сон как рукой сняло.

Стук когтей в коридоре внезапно стих. Наверное, я напугала собаку, и она убежала. Опять через заднюю дверь. По идее, бродячие псы боятся домов и людей.

Не знаю, милочка, – ответила Рут с несвойственным ей сомнением в голосе. – Я что-то не вижу тени на дорожке.

Ну и что, что не видишь? Она, наверное, обежала дом с другой стороны и рванула в лес. Или вдоль озера. Напуганная до смерти, несется теперь сломя голову. Правильно?

Рут не ответила. Промолчала и женушка, хотя Джесси была бы не против выслушать их мнение по этому поводу.

– Я спугнула собаку, – произнесла Джесси вслух. – Я уверена, что спугнула.

Но она все равно еще долго лежала, напряженно прислушиваясь к тишине. Ни звука. Только стук крови в висках и ничего больше. Пока ничего.

Она не спугнула собаку.

Пес и вправду боялся домов и людей, но Джесси недооценила его отчаянное положение. Его прежняя кличка – Принц – теперь звучала как злая насмешка. Этой осенью подгоняемый голодом пес обошел почти все дома возле озера, и ему попадались немало мусорных корзин с плотно закрытой крышкой, точь-в-точь как у четы Берлингейм. Наученный горьким опытом, он быстро выбросил из головы манящий запах салями, сыра и оливкового масла. Запах манил, но до еды, увы, было никак не добраться.

Однако здесь были и другие запахи. Он чуял их каждый раз, когда дверь чуточку приоткрывалась. Эти запахи, разумеется, были гораздо слабее, чем от мусорной корзины, и они доносились из дома, но зато они были такими приятными и аппетитными, что перед ними не устоял бы никто. Бывший Принц уже знал, что скорее всего его прогонят хозяева. Они будут кричать на него и, весьма вероятно, пинать ногами – этими странными, твердыми лапами, – но запахи были сильнее страха. Может быть, Принц не решился бы сунуться в дом, если бы знал, что у людей бывают ружья. Но до открытия сезона охоты на оленей оставалось еще две недели, и самым страшным кошмаром для пса были вопящие хозяева с твердыми ногами, которые так больно били по бокам.

Как только ветер вновь приоткрыл дверь, Принц проскользнул внутрь и пробежал в глубь коридора... но недалеко, чтобы успеть удрать в случае внезапной опасности.

Слух подсказывал Принцу, что в доме была хозяйка, причем очень стервозная. Она знала о его присутствии и кричала на него, но в ее крике пес уловил скорее страх, нежели гнев. Он дернулся, но не убежал – решил подождать, не заорет ли хозяин. Или, может быть, выбежит в коридор, чтобы его прогнать. Но хозяин не вышел. Принц поднял голову и втянул носом слегка спертый воздух дома.

Первым делом он пошел направо, на кухню, и дразнящие запахи, заманившие его в дом, стали сильнее. Сухие запахи, но приятные: арахисовое масло, крекеры, изюм и овсяные хлопья (хлопьями пахло из нижнего ящика буфета – голодная мышь-полевка прогрызла в коробке дыру).

Принц сделал еще шаг в сторону кухни и оглянулся проверить, не крадется ли следом хозяин – обычно они сразу же начинают кричать, но иногда попадают

очень хитрые, которые подходят к тебе втихаря. В коридоре, который шел влево, не было никого, но пес вдруг учуял один сильный запах, идущий оттуда. В животе у него заурчало.

Пес в нерешительности уставился в глубь коридора, его глаза заблестели безумной смесью страха и желания, морда сморщилась, как мятая тряпка, а длинная верхняя губа нервно задергалась, будто в спазматической ухмылке, обнажая острые белые зубы. Струйка мочи ударила в пол: Принц пометил коридор и тем самым – весь дом. Джесси этого не услышала, хотя напряженно прислушивалась к каждому шороху. Слишком тихим и непродолжительным был этот звук.

Пахло кровью. Запах был сильным и каким-то неправильным. Но голод все-таки победил: надо поесть. Причем прямо сейчас. Иначе он просто протянет ноги. Бывший Принц медленно пошел по коридору в сторону спальни. С каждым шагом манящий запах становился сильнее. Да, все правильно: пахло кровью. Но какой-то неправильной кровью. Это была кровь хозяина. В конце концов этот одуряющий запах – насыщенный и соблазнительный, запах, на который просто нельзя не идти, – полностью завладел мозгом пса. Он пошел вперед по коридору и, приблизившись к спальне, зарычал.

7

Джесси услышала стук когтей по деревянному полу и поняла, что собака действительно в доме и идет к ней в спальню. Она завизжала. Она понимала, что так нельзя – она знала, что потенциально опасным животным ни в коем случае нельзя показывать свой страх, – но ничего не могла с собой сделать. Потому что она понимала, что привлекает бездомного пса сюда, в спальню.

Не отрывая глаз от двери в коридор, она уперлась ногами, подтянулась и села на кровати, насколько это позволяли наручники. Пес зарычал, и внутри у Джесси все перевернулось. Ее бросило в жар.

На пороге комнаты пес помедлил. Уже стемнело, и Джесси видела только размытую тень в дверном проеме, но и этого было достаточно, чтобы понять, что собака хотя и не слишком большая, но все-таки далеко не карликовый пудель

или чихуа-хуа. Умиравший солнечный свет отражался в глазах животного зловещими желтыми полумесяцами.

– Пошел прочь! – закричала Джесси. – Уходи! Убирайся! Тебя... Тебя тут не ждут! – Это прозвучало донельзя глупо... хотя, учитывая обстоятельства, сейчас все было глупо.

Если так пойдет дальше, то я попрошу его принести мне ключи от наручников, – подумала Джесси.

Размытая тень в дверях зашевелилась. Собака вильнула хвостом. В каком-нибудь женском романе это бы означало, наверное, что пес спутал голос женщины на кровати с голосом любимой, но давно потерянной хозяйки. Вот только Джесси была реалисткой и знала, что собаки виляют хвостом не только когда довольны и счастливы, но – точно так же, как кошки – и когда пребывают в нерешительности и пытаются оценить ситуацию. Пес даже не вздрогнул от ее воплей, но все еще не доверял сумрачной комнате. Пока еще не доверял.

Бывшему Принцу только еще предстояло познакомиться с ружьями, но за те шесть недель с конца августа – когда он бродил, предоставленный сам себе, – жизнь преподала ему немало жестоких уроков. Кошмар начался тогда, когда мистер Чарлз Сатлин, адвокат из Брейнтри, штат Массачусетс, решил, что лучше бросить собаку в лесу, чем брать с собой в город и платить за домашних животных. С его точки зрения, семьдесят долларов – это слишком большие деньги за какую-то дворняжку. Слишком большие. Только в июне он купил себе новый катер, и эта покупка вылилась в пятизначную сумму. И если сравнить сумму налога и стоимость катера... тут есть над чем задуматься, черт побери, но дело даже не в этом. Дело в том, что катер был запланированной покупкой. Старина Сатлин больше двух лет собирался с духом, чтобы сделать такое приобретение. А собаку он прикупил под влиянием порыва на придорожной овощной базе в Харлоу. Так, минутная блажь. Он бы в жизни не сподобился на что-то подобное, если бы не дочка, которая просто влюбилась в этого щенка. «Вот этого, папочка! С белым пятном на носу, – показала она пальчиком. – Смотри, как он гордо стоит в сторонке, словно маленький принц». Так Чарлз Сатлин купил дочке собаку. Он прекрасный отец и знает, как сделать дочурку счастливой. Но семьдесят долларов – а может, даже и сотня, если бы Принца отнесли к классу Б, то есть «крупные собаки», – это серьезные бабки, когда речь идет о дворняжке без родословной. Слишком серьезные – так решил мистер Сатлин, когда пришло время закрывать летний домик на озере на зиму. Везти

пса обратно в Брейнтри на заднем сиденье «сааба» – это был бы полный геморрой: все будет в шерсти, пса может стошнить или он может загадить обивку сидений. Чарлз, конечно же, мог купить ящик для транспортировки животных или хотя бы будку, чтобы оставить собаку при доме, но самая дешевая стоит тридцатку. Да и к тому же псу будет плохо в будке. Такой собаке, как Принц, лучше свободно разгуливать по округе, и чтобы все северные леса были его королевством. Так уговаривал себя Чарлз Сатлин, когда 31 августа припарковался на пустынной обочине шоссе Бэй-Лэйн и выманил собаку с заднего сиденья. Достаточно было внимательнее приглядеться к старине Принцу, чтобы понять, что у него душа счастливого скитальца. Ему будет хорошо на свободе. Сатлин не был тупицей и прекрасно осознавал, что это все полная чушь, что он сам себя успокаивает. Но, с другой стороны, ему нравилась сама идея. Он вернулся в машину и укатил прочь, а Принц еще долго стоял на обочине и смотрел ему вслед. Чарлз насвистывал мотив песенки из «Рожденной свободной», периодически вставляя слова, которые помнил: «Рождееееенная свобоооооодной... следует зову сееееердца». Сатлин прекрасно спал ночью и даже не вспомнил о Принце (которому теперь предстояло стать бывшим Принцем и который провел эту ночь, свернувшись клубочком под упавшим деревом). Голодный песик дрожал от холода, всю ночь не сомкнул глаз и всякий раз, когда ухал филин или какое-нибудь животное шуршало в лесу, жалобно подвывал от страха.

Теперь собака, которую Чарлз Сатлин бросил на обочине под веселый мотивчик из «Рожденной свободной», застыла в дверях спальни летнего домика четы Берлингем (коттедж Сатлинов находился на дальней стороне озера, и семьи не были даже знакомы, хотя радушно кивали друг другу при встрече на лодочной пристани). Голова низко опущена, глаза широко открыты, шерсть на загривке стоит дыбом. Пес и сам не замечал, что постоянно рычит – он был полностью сосредоточен на сумрачной комнате. Инстинкты подсказывали ему, что уже очень скоро одуряющий запах крови заставит его забыть об осторожности. Но прежде нужно убедиться, что все в порядке и это не ловушка. Пес не хотел, чтобы его поймали хозяева, которые больно пинают собак ногами или которые поднимают с земли всякие твердые и тяжелые штуки и швыряются ими в него.

– Уходи! – попыталась крикнуть Джесси, но голос дрогнул. Она уже поняла, что ей не удастся отпугнуть собаку криком; каким-то образом этот убудочный пес догадался, что Джесси не может встать с кровати и ударить его.

Этого не может быть, так не бывает на самом деле, – подумала Джесси. – Еще три часа назад я ехала в «мерседесе», слушала кассету Rainmakers и напоминала себе, что неплохо бы выяснить репертуар кинотеатров в Маунтэйн-Вэйлли на случай, если мы вдруг решим пойти куда-нибудь вечером. Как мой муж мог умереть, если мы вместе с ним подпевали Бобу Уокенхорсту? «Еще одно лето, – пели мы, – еще один шанс, влюблюсь еще раз». Мы оба знали слова этой песни, потому что она очень славная, как Джералд мог умереть? Как все могло измениться так быстро? Извините, ребята, но это сон. Дурной сон. Все это слишком абсурдно... в жизни так не бывает.

Собака медленно пошла вперед, в комнату. Лапы напряжены, хвост висит, широко распахнутые глаза потемнели, ощеренная пасть полна острых зубов. Пес не знал о таких сложных понятиях, как абсурдность.

Бывший Принц, с которым когда-то возилась восьмилетняя Кэтрин Сатлин (пока ей не подарили на день рождения тряпичную куклу Марни и она временно не потеряла интерес к щенку), был все-таки не беспородной дворняжкой. Наполовину лабрадор, наполовину колли, это все-таки кое-что. Когда в конце августа Сатлин бросил пса на шоссе Бэй-Лэйн, Принц весил восемьдесят фунтов, его шерсть лоснилась и искрилась здоровьем (вполне симпатичное сочетание черного и коричневого с характерным для колли белым воротником). Теперь он весил дай бог сорок фунтов – можно было прощупать каждое ребро, – а когда-то здоровое сердце давно начало сдавать и билось теперь лихорадочно и неровно. Одно ухо было сильно поранено. Увешанная репьями шерсть стала тусклой и грязной. Полузаживший шрам, идущий зигзагом по бедру, остался как память о паническом бегстве сквозь забор из колючей проволоки. На морде, как сломанные усы, застряли иглы дикобраза. Дней десять назад Принц нашел под бревном дохлого дикобраза, но решил, что лучше его не трогать, когда нацеплял на нос иголок. Тогда он был просто голоден – он еще не дошел до отчаяния.

Теперь же пес был отчаянно голоден. Последний раз он ел два дня назад, и это были червивые объедки, которые он обнаружил в перевернутом мусорном баке в канаве у шоссе 117. Умный песик, который так быстро научился приносить красный резиновый мячик, когда Кэтрин Сатлин катала его по полу в гостиной, теперь буквально умирал от голода.

Да, но здесь – прямо здесь, на полу, в поле зрения! – лежали фунты и фунты свежего сочного мяса и костей, полных сладкого костного мозга. Словно

подарок от бога бродячих собак.

Бывший любимец Кэтрин Сатлин медленно приближался к телу Джералда Берлингейма.

8

Этого не случится, – сказала себе Джесси. – Ни за что не случится, так что расслабься.

Она продолжала себя успокаивать до тех пор, пока верхняя часть туловища собаки не скрылась из виду за левым боком кровати. Пес молотил хвостом как сумасшедший, а потом раздался звук, который Джесси мгновенно узнала – именно с таким звуком собаки пьют воду из лужи в жаркий летний день. Хотя нет, этот звук был чуть-чуть не таким. Попротивнее, что ли. Как будто пес не лакает, а лижет. Джесси уставилась на машущий хвост, и внезапно ее фантазия дорисовала то, что было скрыто от глаз краем кровати. Эта бездомная дворняга – вся ободранная, в репьях, с усталым подозрительным взглядом – жадно слизывала кровь с редеющих волос мужа.

– НЕТ! – Джесси приподняла ягодицы от кровати и перебросила ноги на левую часть кровати. – ОТОЙДИ ОТ НЕГО! УБИРАЙСЯ! – Она с силой дернула ногами и одной пяткой задела собаку по хребту.

Пес мгновенно отскочил назад, поднял морду и уставился на Джесси широко распахнутыми глазами – так широко, что были видны белки. Его пасть приоткрылась, и паутинки слюны, протянувшиеся между нижними и верхними резцами, блеснули, как золотые нити, в свете угасающего дня. Пес рванулся к ступне Джесси, и та с визгом отдернула ногу, успев почувствовать кожей тепло собачьего дыхания. Она инстинктивно подобрала под себя ноги, не обращая внимания на боль в затекших плечах, на хруст суставов, которые с трудом провернулись в своих костяных люльках.

Пес смотрел на нее, угрожающе рыча. Давайте разберемся, дамочка, – говорили его глаза. – Вы занимаетесь своим делом, а я – своим. На этом и остановимся,

договорились? И лучше вам сказать «да», потому что в противном случае я и до вас доберусь и наваляю люлей, что мало не покажется. К тому же он все равно уже мертвый, и вам это известно не хуже моего. Так чего же ему пропадать зазря, когда я умираю от голода?! Вы поступили бы так же. Я сомневаюсь, что вы меня понимаете, но если вы взглянете на все это с моей точки зрения, то вы со мной согласитесь. Вы все поймете, и даже раньше, чем вам сейчас кажется.

– УБИРАЙСЯ! – крикнула Джесси. Она сидела на пятках, руки были разведены в стороны, и теперь она, как никогда, напоминала Фей Рей на жертвенном алтаре в джунглях. Она словно позировала для пикантного эротического журнала: голова запрокинута, груди выпячены вперед, плечи отведены назад, так что суставы даже побелели, глубокие тени лежат в треугольных ложбинках у основания шеи. Такая зазывная девочка. Для полного сходства не хватало лишь страстного взгляда и манящей улыбки. Сейчас лицо Джесси напоминало лицо человека на грани безумия. – УБИРАЙСЯ!

Собака по-прежнему смотрела на Джесси и угрожающе рычала. Потом пес, видимо, убедился, что пинать его больше не будут, и опустил голову. На этот раз он уже не лакал и не лизал. Джесси услышала громкое смачное чмокание. Что-то оно ей напоминало... Ну да: именно так ее брат Вилл целовал бабушку Джоан в щеку, когда они приезжали к ней в гости.

Собака все еще рычала, но теперь звук был как-то странно приглушен, как будто кто-то надел ей на морду наволочку. Сидя вот так, Джесси почти доставала головой до полочки над кроватью; отсюда ей были видны пухлая стопа и правая рука Джералда. Нога дергалась туда-сюда, словно он подтанцовывал под какую-то музыку. «Еще одно лето» группы Rainmakers, например.

Теперь собака была видна лучше: все туловище до начала шеи. Если бы пес поднял голову, то Джесси увидела бы и ее тоже. Но пес вовсе не собирался отрываться от своего занятия. Его задние лапы были широко расставлены и подрагивали от напряжения. Внезапно раздался противный хлюпающий звук – звук рвущейся плоти, словно кто-то с кошмарной простудой пытался прочистить горло. Джесси застонала.

– Перестань... пожалуйста, прекрати.

Пес даже ухом не повел. Когда-то он терпеливо сидел и ждал, не перепадет ли ему что-нибудь вкусенького с хозяйского стола. Тогда его глаза как будто смеялись, а сам он как будто улыбался, но эти дни, как и его бывшая кличка, остались в далеком прошлом, которого уже не вернешь. Теперь было лишь здесь и сейчас – все как есть, без прикрас. Умение выжить не предполагает вежливых извинений. Собака не ела уже два дня, а здесь есть еда – много еды, – и хотя есть и хозяйка, которая не разрешает брать эту еду (давно прошли те времена, когда у него были хозяева, которые смеялись, гладили по голове, называли его «ХОРОШАЯ СОБАКА» и угощали вкусностями, когда он исполнял какой-нибудь нехитрый трюк из своего небольшого репертуара), ноги у этой хозяйки маленькие и мягкие, а не большие и твердые, которые так больно бьют; и судя по голосу, она была бессильна как-то ему помешать.

Рычание бывшего Принца сменилось приглушенным пыхтением, и Джесси увидела, что и все тело Джералда стало подрагивать вслед за ногой. Сначала он просто дергался взад-вперед, а потом весь затрясся и начал скользить – как будто даже мертвый не мог устоять перед зажигательным ритмом какой-то веселой музыки.

Давай, давай, Диско-Джералд! – мелькнула у Джесси безумная мысль. – Давай, забацай собачий вальс!

Если бы на полу был ковер, то пес просто не смог бы сдвинуть Джералда с места, но Джесси договорилась, чтобы после Дня Труда пол натерли воском. Билл Данн, смотритель, нанял рабочих, которые выполнили заказ на совесть. Естественно, им хотелось, чтобы хозяйка дома оценила их труд по достоинству, и не положили ковер на место – он так и стоял скатанным в трубку в стенном шкафу у двери. И когда пес волочил Джералда по глянцевому полу, ее мертвый муж двигался так же легко, как Джон Траволта в «Лихорадке субботней ночи». Псу надо было лишь удерживать равновесие и не скользить самому. И Принц прекрасно с этим справлялся. Его длинные грязные когти оставляли глубокие царапины на натертом полу. Вцепившись зубами в толстое плечо Джералда, пес волок тело к двери.

Ничего этого нет. Я ничего не вижу. Это все не на самом деле. Не так давно мы слушали Rainmakers, и Джералд убавил громкость, чтобы сказать, что в эту субботу он хочет поехать на футбол в Ороно. Я помню, как Джералд почесывал мочку правого уха, когда мне это рассказывал. Поэтому он не может быть мертвым, и пес не может тащить его тело по полу.

Волосы у Джералда растрепались – наверное, потому, что собака слизывала с них кровь, – но очки плотно сидели на месте. Джесси видела его полуприкрытые остекленевшие глаза, которые злобно глядели из-под припухших век на меркнувшие блики света на потолке. Его лицо напоминало застывшую маску из уродливых красных и фиолетовых пятен. Казалось, даже смерть не сумела смягчить его раздражения по поводу внезапного каприза Джесси, когда она передумала с ним играть. (Неужели он думал, что это каприз? Да, именно так он и думал.)

– Пусти его, – сказала она собаке, но теперь ее голос звучал слабо, сдавленно и бессильно. Пес лишь слегка шевельнул ушами и продолжал тащить Джералда к двери – непонятное нечто с растрепавшимися волосами и пятнистым лицом. Это «нечто» нисколько не напоминало Диско-Джералда. Теперь это был просто Мертвый Джералд.

Из пасти пса свисал разлохмаченный лоскут кожи. Джесси пыталась убедить себя, что это похоже на кусок обоев, но на обоях не бывает родинок и шрамиков от прививки. Теперь ей уже стал виден розовый толстый живот Джералда с пупком, больше похожим на след от ранения мелкокалиберной пулей. Его член болтался из стороны в сторону в гнездышке из черных лобковых волос. Жирные ягодицы с отвратительной легкостью шелестели по полу.

А потом удушающую атмосферу ее страха пронзила вспышка гнева, как первая молния пропарывает насупленное небо в самом начале грозы. Джесси не стала подавлять это новое настроение. Наоборот – она всецело ему отдалась. Конечно, ярость вряд ли поможет ей выпутаться из этой кошмарной ситуации, но зато послужит хорошим противовесом от растущего ощущения нереальности происходящего.

– Ты ублюдок, – сказала Джесси низким дрожащим голосом. – Трусливый вонючий ублюдок.

Хотя Джесси и не могла дотянуться до мужниной половины полки, но все-таки выяснила – повернув запястье в браслете наручников так, чтобы пальцы легли на полку, – что может ощупать небольшую часть полочки со своей стороны кровати. Она не могла повернуть голову и посмотреть – полка находилась уже за пределами той области поля зрения, которую называют «краем глаза», – но это было не так уж и важно. Джесси прекрасно знала, что там стоит. Она водила

рукой взад-вперед, сшибая тюбики с косметикой. Одни оставались на полке, другие падали на покрывало, третьи летели на пол, подпрыгнув на простыне или стукнувшись о Джессино левое бедро. Ну и черт с ними, все равно от них толку мало. Потом Джесси нащупала баночку с кремом «Нивея» и на мгновение обрадовалась – ей показалось, что это как раз то, что нужно. Но это был всего лишь пробник, слишком маленький и легкий, чтобы причинить собаке сколько-нибудь ощутимый вред, даже если бы баночка была сделана из стекла, а не из пластика. Джесси забросила ее обратно на полку и продолжила поиски.

В самом дальнем углу она нащупала закругленный край какого-то стеклянного предмета, вероятно, самого большого из того, что ей попадалось на полке. Поначалу она никак не могла его подцепить, но потом ей это удалось. На память о веселых деньках в братстве «Альфа Геморрой» у Джералда осталась не только пивная кружка, но и эта стеклянная пепельница. Джесси не вспомнила о ней сразу, потому что обычно она стояла на мужниной стороне полки, рядом со стаканом воды. Кто-то – может быть, миссис Дал, уборщица, а может, и сам Джералд – передвинул пепельницу, чтобы стереть пыль или освободить место для чего-то другого. Но это уже не имело значения. Главное – пепельница была здесь, в пределах досягаемости.

Джесси схватилась за округленный бортик, пальцы удобно легли в выемки для сигарет. Зажав пепельницу покрепче, она замахнулась, насколько это позволяли наручники, и швырнула ее в собаку. Ей повезло. В последний момент замаха браслет наручников резко затормозил руку, и бросок получился в лучших традициях питчера высшей лиги. Все произошло мгновенно и очень точно, словно в системе наведения ракет: поиск цели, цель найдена, запуск! У Джесси не было времени, чтобы задуматься, как прикованная к кровати женщина, у которой к тому же по модной тогда в колледже стрельбе из лука на протяжении двух лет был хронический «неуд», может попасть пепельницей в собаку с расстояния в пятнадцать футов.

Но тем не менее она попала. Пепельница перекувырнулась в полете, на мгновение сверкнув девизом «Альфы Гаммы Ро». Джесси, конечно же, не смогла бы его прочесть, но она и так знала, что там написано: «Служить, Растить и Смелым быть» – примерно так переводилась эта надпись на латыни. И прежде чем пепельница успела кувырнуться еще разок, она врезалась в костлявые плечи пса.

Собака взвизгнула от боли и неожиданности, и на мгновение Джесси охватило дикое, первобытное ликование. Губы растянулись в довольной ухмылке. Она взвыла как безумная, прогнула спину и вытянула ноги. Ей уже далеко не двадцать, и суставы были готовы вывихнуться из хрящей, но Джесси не чувствовала боли. Боль даст знать о себе позже – в каждом движении, рывке или повороте. Но сейчас Джесси пребывала в бешеном восторге от своего удачного броска, и ей надо было хоть как-то выразить этот восторг. Иначе она просто взорвется от полноты чувств. Она молотила ногами по покрывалу и раскачивалась из стороны в сторону, потные волосы хлестали по вискам и щекам, сухожилия выступили на шее, как толстые провода.

– ХА! – кричала она. – Я... ПОПАЛА... В ТЕБЯЯЯЯЯ! ХА!

Пес отскочил назад, когда его ударило пепельницей, и потом – еще раз, когда пепельница, гремя, покатила по полу. Он уловил перемену в тоне хозяйки. Теперь в ее голосе не было страха, а было лишь дикое торжествующее ликование. Сейчас она встанет с кровати и пойдет раздавать пинки направо и налево своими маленькими ногами, которые в итоге окажутся очень твердыми. Он понял, что если остаться, то будет больно. Надо бежать.

Пес повернул голову, чтобы убедиться, что путь к бегству открыт, и тут пленительный запах свежего мяса и крови опять ударил ему в нос. Желудок сжался под властью голода, и пес тревожно завыл. Его раздирали два противоречивых желания, так что он даже описался от волнения. Запах собственной мочи – запах слабости и болезни, а не уверенности и силы – еще больше расстроил и смутил собаку, и она принялась лаять.

Джесси вздрогнула от неприятного, режущего уши звука – она бы закрыла их руками, если бы могла, – и пес уловил перемену в ее настроении. Запах хозяйки переменялся. Он стал блекнуть, стираться, и до собаки дошло, что один удар по спине вовсе не означает, что за ним последуют другие. И потом, если разобраться, то и первый удар больше напугал, нежели причинил боль. Пес сделал робкий шаг по направлению к руке, которую выпустил из пасти... по направлению к густому пьянящему запаху крови и мяса. Но при этом он продолжал внимательно следить за хозяйкой. Его первое впечатление о ней как о беспомощной и безвредной могло оказаться неверным. Надо быть настороже.

Джесси уже начала ощущать слабую пульсацию в плечах, горло саднило сильнее, но больше всего ее пугало, что собака так и не ушла. Захваченная

восторгом от своего броска, она как-то и не подумала, что пес может и не убежать. Но факт остается фактом. Собака не испугалась. Она все еще здесь. И – что хуже всего – опять приближается. Правда, с опаской и осторожно, но все-таки приближается. Джесси чувствовала себя так, словно проглотила пилюлю с ядом, и теперь он пульсирует где-то внутри, горький и противный, как болиголов. Она испугалась, что если пилюля все-таки растворится и яд прольется, то она задохнется от собственной бессильной ярости.

– Выметайся отсюда, кусок дерьма, – крикнула Джесси собаке хриплым срывающимся голосом. – Убирайся, иначе я тебя убью. Не знаю как... но Богом клянусь, убью.

Пес остановился и с тревогой взглянул на нее.

– Правильно, образина. Тебе лучше со мной считаться, – сказала Джесси. – Я с тобой не шучу. – Она повысила голос, но он постоянно срывался на шепот. – Я убью тебя. Убью. Богом клянусь, убью. ТАК ЧТО ПОШЕЛ ОТСЮДА!

Пес, который когда-то был Принцем маленькой Кэтрин Сатлин, перевел взгляд с хозяйки на мясо, потом опять на хозяйку и снова на мясо. И принял решение, которое отец Кэтрин назвал бы компромиссом. Собака наклонила голову и, не сводя взгляда с Джесси, схватила зубами кусок сухожилий, жира и хрящей, который когда-то был правым бицепсом Джералда. Помогая себе рычанием, пес резко дернул на себя. Рука Джералда поднялась – казалось, его мягкие пальцы указывают в восточное окно на «мерседес» на подъездной дорожке.

– Прекрати! – взвизгнула Джесси. Ее осипший голос все чаще срывался на высокие тона, и визг то и дело переходил в режущий ухо шепот. – Тебе что, мало? Оставь его в покое!

Пес не обращал на нее никакого внимания. Он быстро мотал головой из стороны в сторону, в точности как тогда, когда он игрался в «а ну-ка отбери» с резиновыми игрушками Кэтрин Сатлин. Только теперь это была не игра. Пес силился оторвать мясо с кости, с его морды, словно свернувшееся молоко, стекала обильная пена. Превосходно наманикюренная рука Джералда как сумасшедшая болталась в воздухе туда-сюда. Он походил на дирижера, побуждающего музыкантов ускорить темп.

Джесси снова услышала низкий звук, как будто кто-то прочищает горло, и поняла, что ее сейчас вырвет.

Не надо, Джесси! – раздался встревоженный голос Рут. – Не делай этого! Запах может привлечь пса к тебе... на тебя!

Джесси изо всех сил пыталась подавить приступ тошноты, ее лицо исказила гримаса предельного напряжения. Снова раздался звук рвущейся плоти, но Джесси лишь мельком взглянула на пса – передние лапы напряжены и расставлены в стороны, он словно стоял на краю толстой резиновой ленты цвета водопроводной прокладки – и тут же закрыла глаза. Забыв, что прикована, она попыталась закрыть лицо руками. Звякнули цепи, руки остановились в двух футах одна от другой. Джесси застонала, безысходность сменилась отчаянием. Похоже, она сдалась.

Джесси снова услышала липкий хлюпающий звук рвущейся плоти, за которым последовал чмок большого-счастливого-поцелуя, но не открыла глаза.

Пес начал пятиться к двери в коридор, ни на миг не спуская глаз с хозяйки на кровати. Он держал в пасти большой сочный кусок Джералда Берлингейма. Если хозяйка попытается встать и отнять еду, он знает, что надо делать. Собака не умела думать – во всяком случае, не в том смысле, какой люди вкладывают в это понятие, – но ее развитый инстинкт служил достойной заменой процессу мышления. И пес прекрасно осознавал, что то, что он сделал, и то, что он собирается сделать, ляжет на него вечным проклятием. Но он слишком давно не ел. Человек бросил его в лесу и уехал, насвистывая мотивчик из «Рожденной свободной», и теперь он просто умирал от голода. Если хозяйка попытается отобрать у него еду, он будет драться.

Бывший Принц в последний раз взглянул на хозяйку, понял, что та вставать не собирается, развернулся и вышел в коридор. Он отнес мясо в прихожую и положил у самой двери, крепко прижав его лапами к полу. Ветер периодически хлопал дверью. Пес бросил на нее короткий взгляд и сообразил на свой собачий, не-совсем-мыслительный манер, что при необходимости сможет открыть дверь мордой и быстренько убежать. Больше он ни о чем не думал – он приступил к еде.

Пусть и медленно, но рвотные спазмы все-таки отступали. Джесси лежала на спине, плотно зажмурив глаза, и только сейчас начала ощущать боль, пульсирующую в плечах. Боль накатывала волнами, и внезапная мысль, что это только начало, порядком перепугала Джесси.

Я хочу спать, – подумалось ей. Опять этот детский голосок, только на этот раз он звучал испуганно. Ему не было дела до логики, и он не принимал таких слов, как «можно» или «нельзя». – Я уже почти заснула, когда пришла эта плохая собака. И сейчас мне хочется одного – спать.

Джесси искренне ему сочувствовала. Но вот в чем проблема: спать ей теперь расхотелось. Она только что видела, как пес вырвал кусок мяса из ее мертвого мужа, и сон как рукой сняло.

Зато ужасно хотелось пить.

Она открыла глаза, и первое, что увидела – Джералд, который лежал в кругу своего отражения на отполированном до блеска полу, словно какой-то гротескный атолл на безмолвной глади океана. Его глаза были все так же открыты и по-прежнему злобно тарасились в потолок. Очки висели косо, одна дужка воткнулась в ухо, вместо того чтобы быть там, где ей положено. Голова была вывернута под неестественным углом, так что пухлая левая щека почти касалась левого плеча. Красная рана с рваными белыми краями зияла между правым плечом и локтем, словно кошмарная улыбка.

– Боже мой, – пробормотала Джесси и быстро отвернулась к западному окну. В глаза ударил яркий золотистый свет – солнце уже почти село. Она снова закрыла глаза и принялась наблюдать за игрой постоянно меняющихся красно-черных разводов, которые подрагивали в такт сердцебиению. Пару секунд спустя она поняла, что стремительно сменяющие друг друга узоры всегда остаются одними и теми же. Словно смотришь на амёб в микроскоп, через стекло красноватого оттенка. Это было интересно и как-то даже успокаивало. Если учесть обстоятельства, то не надо быть гением, чтобы понять всю притягательность этих простых повторяющихся образов. Когда спокойная размеренная жизнь человека рушится в одночасье, ему просто необходимо что-то, за что можно хватиться, что-то нормальное и предсказуемое. И если циркуляция крови в

тонкой оболочке век, закрывающих больные глаза от света вечернего солнца, это все, что у тебя есть, то надо быть благодарной хотя бы за это. Ведь если тебе не удастся найти хоть что-то, за что можно уцепиться, что-то хоть сколько-нибудь разумное, то чужеродные фрагменты нового – безумного – миропорядка просто сведут тебя с ума.

Например, эти звуки, доносящиеся из прихожей. Ободранная голодная дворняга жрет кусок человека, который водил тебя в кино на Бергмана, с которым ты ездила в парк развлечений на Олд-Очард Бич и который катал тебя на огромном корабле викингов, что качается в воздухе туда-сюда, словно гигантский маятник, и потом хохотал до слез, когда ты сказала, что хочешь прокатиться еще разок. Человека, с которым ты занималась любовью в ванной и буквально кричала от удовольствия. Того человека, который теперь стал мясом и скользит в виде кусков и ошметков по пищеводу собаки.

Вот такие вот чужеродные элементы реальности.

– Странные дни, милая мама. Действительно, странные, – сказала Джесси осипшим голосом. Говорить было больно, в горле саднило. Она подумала, что лучше бы помолчать и не нагружать голосовые связки, но панический страх был еще рядом. И если молчать, то в тишине можно было расслышать, как он крадется на мягких лапках, ищет, как бы подобраться к Джесси, ждет, пока та не утратит бдительности. Хотя... тишины-то особой и не было. Парень с бензопилой ушел отдыхать, но гагара на озере продолжала кричать. Ветер к ночи усилился, и под его порывами задняя дверь хлопала все чаще и громче. Самые разные звуки...

Ну и, конечно же, чавканье собаки, поедающей ее мужа. Пока Джералд ждал, когда приготовят сэндвичи у Амато, Джесси зашла в соседний магазин. Там всегда была отличная рыба, такая свежая, что аж шевелится, как сказала бы ее бабушка. Она купила великолепное филе палтуса, рассудив, что поджарит его вечером, если они решат остаться на ночь. Палтус как раз то, что нужно. Если бы Джералд жил один, то сидел бы на диете исключительно из жареной говядины или курицы (периодически поглощая жареные грибы, так – для разгрузочных целей). Но палтус, по его словам, ему нравился. Джесси купила рыбу, даже не подозревая, что Джералда съедят раньше, чем ему удастся поесть самому.

– Закон джунглей, милашка, – проговорила она хриплым голосом и вдруг поняла, что теперь она уже не просто думает голосом Рут Ниери, а говорит как Рут.

Которая, когда жила одна, сидела на диете из «Мальборо» и «Девара».

Этот сильный – «сказал, как отрезал» – голос заговорил внезапно, как будто Джесси потеряла волшебную лампу.

Помнишь песенку Ника Лоува? Ты ее слышала однажды по WBLM, когда возвращалась с занятий лепкой прошлой зимой. Ты над ней так смеялась.

Джесси помнила песню. Ей не хотелось ее вспоминать, но она все-таки помнила. Кажется, эта попсовая песенка называлась «Раньше она побеждала (Пока на ужин к псу не попала)». Циничные рассуждения на тему непробиваемого одиночества, положенные на неуместный веселый мотивчик. Да, Рут права: прошлой зимой это было смешно. Но сейчас Джесси было совсем не до смеха.

– Перестань, Рут, – прохрипела она. – Если уж ты живешь у меня в голове, то хотя бы имей совесть и не дразни меня.

Кто тебя дразнит? Господи, лапуля, я тебя не дразню, я пытаюсь тебя растормошить, возбудить.

– Я не сплю! – раздраженно возразила Джесси. На озере, словно желая ее поддержать, закричала гагара. – И отчасти благодаря тебе!

Нет, ты спишь. Ты уже долгое время не просыпалась по-настоящему. Знаешь, что ты всегда делаешь, Джесс, если случается что-то плохое? Ты говоришь себе: «Не о чем беспокоиться, это всего лишь дурной сон. Каждому время от времени снятся кошмары, подумаешь, стоит только перевернуться на другой бок, и все будет в порядке». Вот как ты себе говоришь и спишь дальше, глупышка. Такой у тебя подход.

Джесси открыла было рот, чтобы возразить – пусть у нее пересохло в горле и ей больно говорить, но такие нелепые инсинуации просто нельзя оставлять без ответа, – но примерная женушка Берлинггейм встала на ее защиту еще прежде, чем Джесси успела собраться с мыслями.

Как можно вообще говорить такое?! Ты просто мерзкая злюка! А ну убирайся!

Снова раздался циничный смех Рут, и Джесси подумала, что это ненормально и страшно – слышать как бы со стороны, как часть твоего собственного сознания смеется смехом старой знакомой, которая теперь бог знает где.

Ты меня прогоняешь?! Ждешь не дожدهшься, когда я уйду? У-тю-тю, сладенький пирожок, папочкина дочка. Каждый раз, когда правда подходит к тебе слишком близко, каждый раз, когда у тебя возникает мысль, что сон – это, может быть, и не сон вовсе, ты попросту убегаешь и прячешься.

Это просто смешно.

Да? Тогда расскажи, что случилось с Норой Кэллиган?

Это заставило женушку и Джесси на мгновение замолчать, но и этого мига хватило, чтобы в тишине вновь проступил странный знакомый образ: толпа людей – в основном женщины – собралась вокруг девушки, закованной в кандалы; они смеются и показывают на нее пальцем. Саму девушку видно плохо, там очень темно, хотя, несомненно, это был день, только почему-то темный. Но даже если бы светило солнце, лица девушки все равно было не разглядеть. Его закрывали густые волосы, словно покров кающегося грешника – хотя трудно было представить, что девочка совершила какой-то настолько ужасный грех, ведь на вид ей было не больше двенадцати. Ее могли наказать за что угодно, но только не за убийство мужа. У этой дочери Евы даже месячных-то еще не было, не говоря уж о муже.

Нет, это неправда. – Голос раздался внезапно, откуда-то из потаенных глубин сознания. Он был мелодичным и вместе с тем пугающе мощным, как крик кита. – Месячные у нее начались в десять с половиной. Может быть, в этом все дело. Может быть, он почуял кровь, как та собака в прихожей. Может быть, он от этого и обезумел.

Заткнись! – мысленно закричала Джесси. Она сама словно обезумела. – Заткнись, мы это не обсуждаем!

Кстати, к слову о запахах, какой он? – спросила Рут. Теперь ее голос звучал резко и напряженно... как голос старателя, который все-таки натолкнулся на рудную жилу, о которой давно догадывался, но никак не мог найти. – Такой минеральный, как пахнет соль и старые медяки.

Я сказала: мы это не обсуждаем!

Она лежала на покрывале; мышцы напряжены под похолодевшей кожей. На время смерть мужа и ее собственное плачевное положение отодвинулись на задний план перед лицом новой угрозы. Джесси нутром ощущала присутствие Рут – или той отколовшейся части себя, которая говорила голосом Рут, – вечно пытающейся докопаться до истины. Несмотря ни на что. Но сейчас Рут вроде бы решила не развивать тему или хотя бы не лезть напролом, и Джесси с примерной женошкой Берлингем вздохнули с искренним облегчением.

Ладно, давай тогда поговорим о Норе, – сказала Рут. – Помнишь Нору, твоего психиатра? Нору, твою советчицу? Ты стала ходить к ней, когда забросила живопись, потому что тебя пугали некоторые твои картины. И тогда же... вот только не знаю, совпадение это или нет... Джералд сексуально к тебе охладел, и ты стала обнюхивать его рубашки – не пахнут ли они духами? Ведь ты не забыла Нору, правда?

Нора Кэллиган была надоедливой сучкой! – огрызнулась примерная женошка.

– Нет, – пробормотала Джесси, – у нее были добрые намерения, я в этом ни капельки не сомневаюсь, просто она всегда торопилась. Хотела быть пусть на шаг, но все-таки впереди. И задавала слишком много вопросов. Просто не умела вовремя остановиться.

Ты же говорила, что она тебе очень нравилась, или я, может быть, ошибаюсь?

– Я хочу ни о чем не думать, – нерешительно проговорила Джесси. – Но больше всего я хочу, чтобы затихли все эти голоса. Я не хочу разговаривать с ними. Это просто безумие какое-то.

Нет уж, послушай, что я тебе скажу, – мрачно изрекла Рут, – от этого ты не сбежишь так просто, как сбежала от Норы, да и от меня, уж если на то пошло.

Я от тебя не сбегала, Рут! Вымученный ответ, нелепая отмазка, да и звучит не очень-то убедительно. Она именно сбежала. Просто собрала вещички и уехала из бедной, но развеселой студенческой общаги. Джесси уехала вовсе не потому, что Рут стала задавать слишком много ненужных вопросов – о детстве, об озере

Дак-Скор – и делать всякие предположения о том, что могло случиться в то лето, сразу после начала месячных. Только очень плохая подруга могла бы уехать по таким причинам. Она уехала не потому, что Рут стала задавать вопросы, а потому, что она не перестала их задавать, хотя Джесси очень просила ее прекратить. И вот это непонятное, в чем-то даже жесткое упорство, по мнению Джесси, свидетельствовало о том, что Рут – плохая подруга. Ведь она же прекрасно знала, где проходит грань между дозволенным и недопустимым, и тем не менее переступила ее сознательно. Как и Нора Кэллиган – много лет спустя.

К тому же, если учесть обстоятельства, сама идея побега была бы нелепой, правильно? Ведь Джесси прикована к кровати.

Не держи меня за идиотку, пупсик, – сказала Рут. – Твое сознание не приковано наручниками, и ты это знаешь не хуже меня. Ты умеешь себя убеждать, если хочешь, но я бы рекомендовала... действительно рекомендовала... этого не делать. Я – твой единственный шанс. Если ты будешь лежать и твердить себе, что все это – лишь дурной сон, который тебе снится, потому что ты спишь на левом боку, то ты тут и помрешь. Ты этого хочешь? Это будет тебе наградой – за то, что ты всю свою жизнь прожила в наручниках с тех пор, как...

– Я не буду думать об этом! – выкрикнула Джесси в пустоту сумрачной комнаты.

На какое-то время Рут замолчала, и Джесси уже было понадеялась, что та ушла насовсем и оставила ее в покое, но не тут-то было. Рут вернулась... вернулась с намерением растормошить ее, как терьер тормозит в зубах старое тряпье.

Валяй, Джесс, тебе проще считать, что ты сходишь с ума, чем беречь старую рану, но ты же прекрасно знаешь, что ты нормальная. Я – это ты, и примерная женушка – тоже ты... да, собственно, все мы – ты. Я представляю, что могло случиться тогда на озере, когда вся семья уехала. Но меня волнует другое, и это никак не связано с тем, что там произошло. Может быть, есть еще одна часть тебя, о которой я не знаю, которая мечтает присоседиться к Джералду в желудке собаки, когда та вернется сюда завтра утром? Я почему тебя спрашиваю... исключительно потому, что мне это не кажется трогательным примером супружеской верности. Мне это кажется полным бредом.

Слезы опять потекли по щекам. Может быть, потому, что Джесси в первый раз по-настоящему осознала, что может здесь умереть – теперь это было сказано вслух, – или, может быть, потому, что, наверное, впервые за последние четыре года она опять задумалась над тем, что же все-таки произошло тогда на озере, когда погасло солнце.

Однажды она чуть было не выболтала этот секрет на собрании женской группы, посвященном проблемам осознания себя как личности... это было еще в начале семидесятых. Идея посетить собрание исходила, понятное дело, от Рут, но Джесси никто не заставлял – она охотно пошла с подругой, ведь поначалу все выглядело безобидно, просто еще одно действие красочного карнавала, каким была тогда жизнь в колледже. Первые два года учебы – и особенно когда Рут Ниери таскала ее по спектаклям и выставкам и приглашала с собой в поездки – были для Джесси чуть ли не самым прекрасным периодом в жизни, когда ты вообще ничего не боишься, когда здоровый напор и наглость кажутся самым обычным делом и ты искренне веришь, что у тебя в жизни будут одни достижения и победы. В то время буквально в каждой комнате общежития висел плакат с изображением Питера Макса, а если вам надоедали «Битлз» – ну, если представить такую возможность, – то можно было послушать Hot Tuna или MC5. Все это было настолько ярким, что казалось вообще нереальным, словно живешь в бреду... словно у тебя постоянно высокая температура, но все-таки не такая высокая, чтобы это было опасно для жизни. В общем, первые два года в колледже были, как говорится, одним большим праздником.

Но праздник внезапно кончился на первом собрании той самой группы. Именно тогда Джесси вдруг обнаружила, что существует отвратительный серый мир, который одновременно и предвещал ее взрослое будущее в восьмидесятых, и нашептывал о мрачных секретах детства, заживо похороненных в шестидесятых... о секретах, которые не упокоились с миром. Около двадцати женщин собрались в гостиной домика, примыкающего к зданию Ньювортской церкви разных конфессий. Кто-то сидел на диване, кто-то расположился на стульях, кому не хватило стульев, расселись прямо на полу, образовав неровный круг. Двадцать женщин в возрасте от восемнадцати до сорока с небольшим. В начале собрания все взялись за руки и немного помолчали. Потом на Джесси вылился поток ужасных рассказов об изнасилованиях, инцестах и истязаниях. Она никогда не забудет спокойную симпатичную девушку со светлыми волосами, которая задрала свитер, чтобы показать шрамы от сигаретных ожогов под грудью.

Вот тогда праздник для Джесси Махо закончился. Закончился? Нет, не совсем так. Просто ей как бы показали, что скрывается за карнавалом. Она увидела серые, по-осеннему пустые газоны, а на них смятые сигаретные пачки, использованные презервативы и дешевые разбитые вазочки, призы из аттракционов, запутавшиеся в высокой траве, пока их не сдует ветром или не покроет снегом. Она увидела этот безмолвный, глупый и опустевший мир, лежащий за тонкой завесой, что отделяла его от суматошной и яркой ярмарки, от криков разносчиков, от красочного очарования каруселей... она все это увидела и испугалась. Ей было страшно осознавать, что то же самое ждет ее впереди, в будущем, и что то же самое осталось позади, в прошлом, кое-как скрытое кричащей мишурой подправленных ею же самой воспоминаний. Все это было невыносимо.

Симпатичная белокурая девушка показала следы сигаретных ожогов, опустила свитер и объяснила, что не могла рассказать папе с мамой о том, что друзья ее брата сделали с ней в выходные, когда родители ездили в Монреаль, – ведь тогда ей пришлось бы рассказать и о том, что делал с ней брат в течение всего предыдущего года. А такому родители просто бы не поверили.

Ее голос был очень спокоен. Когда она закончила, все застыли как громом пораженные. Джесси почувствовала, как что-то оборвалось внутри, и словно тысячи призрачных голосов закричали у нее в голове в странном смешении надежды и ужаса. Но тут заговорила Рут.

– Почему бы они не поверили? – спросила она. – Господи, Лив, они же жгли тебя сигаретами! Я имею в виду, что ожоги были бы доказательством, что ты говоришь правду! Почему ты считаешь, что родители тебе не поверили бы? Разве они тебя не любили?

Да, – подумала Джесси. – Да, они любили ее, но...

– Да, – сказала блондинка. – Они любили меня. И до сих пор любят. Но они просто боготворили моего брата Барри.

Джесси вспомнила, как прошептала тогда, подпирая лоб дрожащей рукой:

– К тому же это бы ее убило.

Рут повернулась к ней:

- Что?..

Но тут светловолосая девушка все так же неестественно спокойно произнесла:

- К тому же, если бы мама об этом узнала, это бы просто ее убило.

И Джесси вдруг поняла, что попросту взорвется, если останется здесь. Она вскочила так резко, что чуть не опрокинула огромный уродливый стул, и бросилась вон из комнаты, и ей было все равно, что на нее все смотрят. Ей было не важно, что они о ней подумают. Имело значение только то, что солнце погасло, само солнце погасло, и если бы она рассказала все, то ей бы никто не поверил, если Бог все-таки есть и он хороший... а будь Бог в плохом настроении, ей бы поверили... И если это не убило бы маму, то уж точно развалило бы их семью, как динамитная шашка разносит гнилую тыкву на тысячи мелких ошметков.

Так что Джесси выбежала из комнаты, понеслась через кухню и ударилась о запертую дверь черного хода. Рут побежала за ней, кричала, чтобы она остановилась. И Джесси остановилась, но лишь потому, что чертова дверь была заперта. Она прислонилась лицом к темному холодному стеклу, и ей вдруг захотелось... да, на мгновение ей действительно захотелось разбить головой стекло и перерезать горло, чтобы уничтожить, стереть этот серый образ безотрадного будущего и прошлого... но она просто повернулась и съехала на пол, натянула подол короткой юбочки на ноги, уткнулась лбом в колени и закрыла глаза. Рут опустилась на пол рядом с ней, обняла ее, принялась гладить по волосам и уговаривать выплакаться, переболеть и избавиться навсегда от того, что ее гнетет.

И вот теперь Джесси лежала в доме на берегу озера Кашвакамак и пыталась представить, что стало с той неестественно спокойной белокурой девушкой, которая рассказала о своем брате Барри и его друзьях. О молодых людях, которые относились к женщине как к системе жизнеобеспечения влагалища, а прижигание груди сигаретами было для них самым что ни на есть справедливым наказанием для девушки, которая трахается с родным братом, но не хочет удовлетворить его лучших друзей. А еще Джесси пыталась вспомнить, что она рассказала Рут, когда они сидели обнявшись под дверью. Она почти ничего не

помнила. Кажется, она говорила что-то вроде: «Он не прижигал меня сигаретами, он никогда меня не прижигал, он вообще не делал мне больно». Да. Но было что-то еще, потому что вопросы, которые Рут так и не перестала ей задавать, относились к озеру Дарк-Скор и к тому черному дню, когда на небе погасло солнце.

В конце концов Джесси предпочла сбежать от Рут. Все что угодно, лишь бы не рассказывать... Так же она поступила и с Норой. Она бежала со всех ног – Джесси Махо Берлингем, также известная как Рыжая и Удивительная девчонка, сладкий имбирный пряник, последнее чудо века сомнений, пережившая день, когда на небе погасло солнце. А теперь она прикована наручниками к кровати и больше не может сбежать.

– Помоги мне, – обратилась она к пустой спальне. Теперь, когда она вспомнила белокурую девушку с неестественно спокойным лицом и голосом и цепочку старых круглых шрамов под ее красивой упругой грудью, Джесси не могла просто так выбросить это из головы. Теперь она поняла, что это было вовсе не спокойствие, а попытка отрешиться от того ужаса, который случился с ней наяву. Каким-то образом лицо этой девушки стало лицом Джесси, и она произнесла дрожащим смиренным голосом, как атеист, у которого отняли все, кроме последней молитвы: – Пожалуйста, помоги мне.

Но ответил ей не Бог, а та ее часть, которая говорила голосом Рут Ниери. Теперь голос был мягким и ласковым, но все же не очень-то обнадеживающим.

Я попытаюсь, но и ты тоже должна мне помочь. Я знаю, что ты умеешь терпеть физическую боль, но мысли тоже причиняют боль. Ты готова к этому?

– Мысли здесь ни при чем. – Голос у Джесси дрожал, и она подумала: так вот какой голос у примерной женушки Берлингем, когда она говорит вслух. – Я говорю... ну... о спасении. Мне надо как-то освободиться.

Тебе придется ее заткнуть, – строго сказала Рут. – Она неотъемлемая часть тебя, Джесси... нас обеих... да в общем-то и неплохой человек, но она слишком долго заправляла этим веселеньким шоу, а в ситуациях вроде этой ее представления о мире никуда не годятся. Надеюсь, ты не собираешься спорить?

Джесси вообще не хотелось спорить. Она слишком устала. Свет из западного окна становился все гуще и все краснее – скоро солнце зайдет и наступит ночь. Ветер шелестел в соснах, гонял сухие листья по пустым мосткам на берегу. Задняя дверь по-прежнему хлопала, собака вроде притихла, но потом мерзкое чавканье возобновилось.

– Я хочу пить, – простонала Джесси.

Хорошо, тогда с этого и начнем.

Она повернула голову и почувствовала на шее тепло лучей заходящего солнца. Локон влажных волос прилип к щеке. Джесси снова открыла глаза и увидела стакан воды. Она застонала от жажды.

Для начала забудь о собаке, – сказала Рут. – Пес просто пытается выжить, и тебе не помешает взять с него пример.

– Не знаю, смогу ли я про него забыть, – отозвалась Джесси.

Мне кажется, что у тебя все получится, лапа, правда. Если ты сумела забыть, что случилось в день, когда на небе погасло солнце, то сдастся мне, что теперь ты сможешь забыть что угодно.

На мгновение Джесси показалось, что у нее все получится, и поняла, что получится – если очень захотеть. Страшный секрет того дня так и не канул в бездну подсознания, как это часто бывает в слезных мелодрамах и мыльных операх... она его похоронила, да. Но могила была неглубокой. Это больше походило на добровольную выборочную амнезию. И если бы Джесси захотела вспомнить, что случилось в тот день, когда погасло солнце, она бы вспомнила.

Словно по мановению волшебной палочки ее сознание тут же нарисовало картину, пугающую в своей потрясающей четкости: ромбик стекла, зажатый в щипцах для барбекю. Рука в варежке-прихватке, поворачивающая стекло то одной, то другой стороной над торфяным костерком.

Джесси вздрогнула и отогнала видение прочь.

Давай проясним кое-что, – подумала она, вроде бы обращаясь к Рут... только она не была уверена, что именно к Рут. Впрочем, она уже ни в чем не была уверена полностью. – Я не хочу вспоминать. Понятно? То, что случилось тогда, никак не связано с тем, что происходит сейчас. Это две разные вещи. Да, кое-какое общее есть – два озера, два летних домика, оба случая

(тайны, молчания, боли, терзаний)

связаны с сексом, но воспоминания о том, что случилось в 1963 году, сейчас мне ничем не помогут, разве только усугубят страдания. Так что давай просто закроем тему, договорились? Давай забудем об озере Дак-Скор.

– Ну и что скажешь, Рут? – прошептала Джесси и взглянула на противоположную стену, где висела картина-батик, изображающая яркую бабочку. На мгновение в рамочке возник другой образ – маленькая девочка, чей-то сладкий пирожок, смотрит на небо сквозь закопченное стеклышко. Чуть уловимый, сладковатый запах лосьона после бритья... видимо, из сострадания к Джесси видение тут же исчезло.

Она еще пару секунд смотрела на бабочку, словно желая убедиться, что тревожащий образ больше не вернется, потом перевела взгляд на стакан. Удивительно, но на поверхности воды все еще плавали осколки льда, хотя сгущающийся в комнате мрак еще хранил тепло полуденного солнца.

Джесси скользнула взглядом по стакану, словно лаская чуть запотевшее от влажной прохлады стекло. Ей не было видно картонной подставки – мешал край полки, – но ей и не нужно было смотреть. Джесси прекрасно себе представляла темное растекающееся кольцо влаги, все яснее проступавшее на картоне, по мере того как капельки конденсированной влаги сбегали вниз по стенкам стакана.

Она облизала верхнюю губу пересохшим языком.

Хочу пить! – требовательно закричал испуганный детский голос, голос чьего-то сладенького пирожка. – Пить хочу, дайте попить! СЕЙЧАС ЖЕ!

Но Джесси не могла дотянуться до стакана. Классический случай: видит око, да зуб неймет.

Рут: Не сдавайся так сразу. Если ты сумела попасть пепельницей в эту чертову собаку, лапуля, то скорее всего сумеешь и заполнить этот стакан воды.

Джесси вытянула правую руку, насколько это позволяло затекшее плечо, но ей по-прежнему не хватало каких-то двух с половиной дюймов. Она сглотнула и поморщилась – по горлу словно провели наждачной бумагой.

– Ну вот видишь? – спросила Джесси. – Теперь довольна?

Рут не ответила, вместо нее заговорила женушка. Мягким, словно извиняющимся, голосом:

Она сказала заполнить, а не дотянуться. Это... это может быть не одно и то же. Женушка смущенно рассмеялась в своей «да-кто-я-такая-чтобы-лезть-не-в-свое-дело» манере. Джесси вновь удивилась, как это странно – слышать, как часть тебя самое смеется так, словно это совершенно отдельная личность. Будь у меня еще пара-тройка внутренних голосов, – подумала Джесси, – то мы бы смогли сыграть в бридж, черт побери.

Она ненадолго задержала взгляд на стакане, а потом откинулась назад, на подушки, чтобы осмотреть полку снизу. Полочка не была прикреплена к стене, а лежала на четырех стальных скобах в форме заглавной буквы «L», только вверх ногами. Причем к скобам она не была привинчена, это Джесси знала наверняка. Она вспомнила, как однажды Джералд говорил по телефону и рассеянно облокотился на край полки. Другой ее конец тут же поднялся вверх, словно качели, и не отдерни он руку, полка бы попросту перевернулась. Мысль о телефоне на мгновение отвлекла Джесси, но лишь на мгновение. Аппарат стоял на низком столике перед восточным окном, из которого открывался живописный вид на дорогу и «мерседес», припаркованный у крыльца. С таким же успехом телефон мог быть и на другой планете, в сложившейся ситуации пользы от него не было никакой. Джесси вернулась к осмотру полки, пристально оглядывая и саму доску, и скобы в форме буквы «L».

Когда Джералд облокотился на полку со своей стороны, то приподнялся ее конец полки. То есть если она как следует надавит на свою сторону полки, чтобы приподнять его конец, то стакан с водой...

– Может съехать, – задумчиво произнесла Джесси осипшим от жажды голосом. – Съехать на мою сторону полки. – Конечно, с таким же успехом стакан может весело проехать мимо и вдребезги разбиться об пол или наткнуться на что-нибудь, перевернуться и разлиться. Но попробовать стоит, верно?

Да, наверное, – подумала она. – Я собиралась слетать в Нью-Йорк на собственном самолете, поужинать в «Четырех временах года», а потом протанцевать всю ночь напролет в Бердлэнде, но теперь, когда Джералд умер, поездка, я думаю, отменяется. Радости жизни мне теперь недоступны, так что стоит хотя бы попробовать раздобыть утешительный приз.

Ну хорошо: и как она думает это сделать?

– Осторожно, – сказала Джесси. – Очень осторожно. Вот как.

Она подтянулась на руках, чтобы еще раз взглянуть на стакан. И тут же натолкнулась на первое препятствие: она не могла осмотреть всю поверхность полки. Она помнила, что лежит на ее стороне, но вот сторона Джералда и ничейное место посередине... с этим было сложнее. И неудивительно. Только человек с фотографической памятью мог бы запомнить расположение всех мелочей на прикроватной полке. Да и кто мог подумать, что это будет так важно.

Ну вот теперь стало важно. Я попала в безумный мир, где все перевернуто с ног на голову.

Да уж, действительно. В этом мире бродячие псы будут страшнее Фредди Крюгера, телефоны живут в сумеречной зоне, а обычный стакан воды с подтаявшим льдом превращается просто в Святой Грааль, цель кровавых крестовых походов. В этом новом вывернутом мире обычная полка – это морской путь, не уступающий по важности Панамскому каналу, а дешевая книжка в мягкой обложке может стать Бермудским треугольником.

Тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь? – неуверенно спросила себя Джесси, но, говоря по правде, она несколько не преувеличивала. Даже при самых благоприятных условиях шансы на успех этой затеи невелики, а уж если на полке валяется что-то, что станет препятствием для стакана, то про воду вообще можно забыть. Там вполне мог лежать тонкий «Эркуль Пуаро» или

книжонка из цикла «Стар-Трэк», которые Джералд прочитывал и выбрасывал, словно использованную салфетку. Достаточно, чтобы остановить или перевернуть стакан. Так что Джесси не преувеличивала. Отнюдь нет. Законы этого мира действительно изменились. Она вспомнила фантастический фильм, где главный герой уменьшился и жил в кукольном домике своей дочери, а домашний кот превратился в огромное чудовище. Но Джесси так просто не сдастся. Она быстренько выучит новые правила... запомнит и будет им следовать.

Мужайся, Джесси, – прошептала Рут.

– Не беспокойся, – ответила Джесси. – Я сделаю все возможное; все, что в моих силах. Но иногда не мешает сначала узнать, с чем имеешь дело. В некоторых ситуациях это действительно важно.

Она развернула правое запястье от себя, вытянула руку, приподняв ее над головой – в этой позе Джесси напоминала фигурку женщины из египетского иероглифического письма, – и опять принялась шарить по полке в поисках возможных препятствий на пути стакана.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Фанни Хилл» – роман Дж. Клиланда, написанный в 1749 году, о женщине из публичного дома. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Глория Стейнем, американская журналистка, одна из лидеров так называемого движения за освобождение женщин 60-х годов. Основательница феминистического журнала «Миз».

3

Должно быть, имеется в виду герой фильмов Clown on the Farm (1952), Git Along Li'l Duckie (1955), Huey's Ducky Daddy (1953), Huey's Father's Day (1959), Jumping with Toy (1957), One Quack Mind (1951), Party Smarty (1951), Pest Pupil (1957), Scout Fellow (1951), Starting From Hatch (1953), Swab the Duck (1956) в исполнении Сида Реймонда.

4

Гарри Ризонер (1923–1991), американский журналист, комментатор и ведущий новостей на телеканале CBS.

5

«Дорогая Эбби» – колонка полезных советов в газете San-Francisco Chronicle.

6

Энтони Троллоп (1815–1882), английский писатель, автор нравоописательных романов.

7

Генри Луис Менкен (1880–1956), американский журналист и писатель, автор сатирических эссе.

8

Имеется в виду знаменитый герой диснеевских мультфильмов, утенок Дональд, совершенно бесноватый птиц, который очень легко выходит из себя.

9

Знаменитый фильм ужасов, в русском прокате шел под названием «Изгоняющий дьявола».

10

Выражение буквально переводится с латинского как «Бог из машины» и означает счастливую развязку трудной ситуации вследствие вмешательства непредвиденных обстоятельств.

11

Актриса, известная российскому зрителю по сериалу «Мелроуз плейс».

12

Информационно-развлекательный телесериал на основе реальных событий – скандальных, сенсационных, курьезных и просто необычных.

Купить: <https://tellnovel.com/stiven-king/igra-dzheralda-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)